КОГДА ГАСНУТ СОФИТЫ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Арика Ретнас

Арика Ретнас

Когда гаснут софиты

«Автор»

2026

Ретнас А.

Когда гаснут софиты / А. Ретнас — «Автор», 2026

Сколько стоит право на собственный голос там, где каждая твоя слеза продана таблоидам?Для миллионов Лоран — безупречная фарфоровая кукла с золотым клеймом оскароносной династии. Ей уготована роль послушной тени своих родителей, но она выбирает войну. Ее авторский моноспектакль на Бродвее не просто дебют, а самоубийственный бунт, попытка содрать с себя чужую кожу и впервые запеть о своей выжженной душе.Нолан Кросс держит в повиновении стадионы по всему миру. Ледяной рок-идол поколения, он похоронил способность чувствовать за броней цинизма и мимолетных связей. Ровно до той ночи, когда видит в глазах Лоран ту же черную бездну одиночества, в которой задыхается сам.Чтобы выжить на этой сцене, им придется сыграть на разрыв.Ведь самые опасные сцены начинаются тогда, когда гаснут софиты.

© Ретнас А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
ЧАСТЬ I. Золотая клетка и ледяной пепел 7
Глава 1. Распятие в бриллиантах 8
Глава 2. Дыши со мной 13
Глава 3. Цифровой трибунал 18
Глава 4. Железный ошейник лейбла 23
Глава 5. Фамильная виселица 29
Глава 6. Аукцион плоти 35
Глава 7. Вальс над пропастью 42
Глава 8. Звериный оскал 47
Глава 9. Адреналиновый взрыв 52
Глава 10. Порог безумия 59
ЧАСТЬ II. Обнажение связок и плоти 65
Глава 11. Голос раненого зверя 66
Глава 12. Дьявольский договор 73
Глава 13. Змея под бо 77
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Арика Ретнас
Когда гаснут софиты

Пролог.

Запах старого бархата, вековой пыли и замерзшего лака.

В пустом бродвейском зале стояла та особенная, звенящая тишина, которая не лечит, а медленно сдирает кожу заживо. Это была тишина морга после вскрытия.

Лоран стояла в самом центре бескрайней деревянной сцены — хрупкая, босая, в тонком черном шелковом платье, которое казалось не тканью, а саваном. Один-единственный тусклый софит — безжалостный, мертвенно-белый луч — бил сверху, выхватывая ее фигуру из океана кромешной тьмы. За пределами этого светового круга чернела бездонная пасть пятитысячного зрительного зала.

Там никого не было. Ни единого живого человека.

Но Лоран задыхалась так, словно в этой темноте сидел весь мир.

Ей казалось, что из черных провалов пустых кресел, из золоченых лож, с нависших ярусов бельэтажа на нее неотрывно смотрят миллионы глаз. Глаза матери — холодные, оценивающие, полные брезгливого разочарования. Взгляд отца — чужой, расчетливый, видящий в ней лишь строку в налоговой декларации. Тысячи объективов папарацци со слепящими вспышками. Миллионы безымянных пальцев, строчащих в сети ядовитые приговоры ее существованию.

«Пустышка».«Трофей».«Ничтожество с громкой фамилией».

Воздух в легких превратился в толченое стекло. Лоран судорожно втянула его через рот, но кислород не доходил до крови. Сердце колотилось о ребра, как пойманная в силки птица, ломая собственные кости.

Она попыталась сделать вдох, но из горла вырвался лишь жалкий, сдавленный хрип.

Пальцы метнулись к груди. Тонкие ногти впились в ткань шелка, разрывая вырез, царапая бледную кожу ключиц до алых полос, пытаясь физически вырвать ту черную, распирающую изнутри опухоль, которую люди называют душой. Ей казалось, если она не разорвет себе грудную клетку прямо сейчас, ее разорвет на куски изнутри.

Она была одна. Абсолютно, невыносимо, смертельно одна посреди сияющего Олимпа, который оказался склепом.

Вся ее жизнь — двадцать восемь лет выученной грации, вымученных улыбок, чужих сценариев и попыток заслужить право на собственный вдох — сжалась в одну бесконечную, ледяную иглу, пронзившую ее мозг.

— Хватит… — прошептали ее бескровные губы в пустоту.

Темнота в ответ лишь зашипела фантомным шепотом насмешек.

— Хватит! — выкрикнула она громче, и этот звук эхом ударился о пустые стены, вернувшись к ней искаженным, уродливым смешком.

И в эту секунду внутри Лоран лопнула последняя струна. Последняя дамба, сдерживавшая первобытный, нечеловеческий ужас.

Это не был плач. Это не были слезы кинематографичной голливудской драмы, где тушь красиво течет по скулам.

Из ее горла вырвался вой.

Животный, утробный, раненый крик зверя, которому живьем перебили хребет. Звук, в котором не осталось ничего человеческого — только концентрированная агония существа,

загнанного в угол. Он вибрировал в стропилах под куполом театра, заставляя дрожать стеклянные подвески вековых люстр.

Ноги Лоран подкосились.

Она рухнула на колени, и глухой, тяжелый удар ее костей о неровные деревянные доски сцены отозвался тупой болью по всему телу. Но она даже не почувствовала ее.

Лоран согнулась пополам, упершись ладонями в пыльный настил, и забилась в крике, сдирая голосовые связки в кровавую кашу. Ее длинные, роскошные темные волосы — те самые, которыми восхищались на обложках глянца — упали на пол тяжелым спутанным полотном, закрывая ее лицо от невидимых судей.

Слезы хлынули сплошным потоком, капая на дерево сцены, смешиваясь с вековой театральной пылью. Она царапала доски ногтями, ломая их под корень, оставляя кровавые следы на паркете.

Она выла, захлебываясь собственным воздухом, качаясь взад и вперед, словно безумная.

В этом крике было все: украденное детство, пощечины матери, яд комментариев, похотливые взгляды продюсеров, страх сцены и та жгучая, адская пустота, в которой никто — абсолютно никто в этом проклятом мире — не держал ее за руку.

Она кричала до тех пор, пока воздух окончательно не покинул легкие, пока голос не сорвался на сиплый, судорожный хрип.

Лоран осталась лежать на полу — смятая, сломанная, полуобнаженная под безразличным лучом софита. Ее плечи мелко вздрагивали, пальцы судорожно сжимали пыль, а в широко распахнутых, остекленевших глазах застыло отражение черной бездны.

Она умерла на этих подмостках.

И для того, чтобы заставить это мертвое тело снова дышать, этому миру понадобится нечто большее, чем слава. Ему понадобится огонь, способный сжечь весь этот театр до основания...

ЧАСТЬ I. Золотая клетка и ледяной пепел

Глава 1. Распятие в бриллиантах

Колье стоило два миллиона четыреста тысяч долларов, весило ровно триста восемьдесят граммов и с каждой минутой сжималось на ее горле все туже.

Платиновая змея из архивной коллекции *Bulgari*, сплошь усыпанная бриллиантами грушевидной огранки, лежала на ключицах Лоран ледяным металлическим обручем. Ювелирный дом предоставил украшение специально для девяносто восьмой церемонии вручения премии «Оскар», и два вооруженных охранника в штатском дежурили сейчас у выходов из партера театра «Долби», не спуская глаз с ее шеи.

Лоран сидела в четвертом ряду центрального сектора — ровно там, где полагалось сидеть главным номинантам вечера, — и старательно удерживала на губах ту самую полуулыбку номер три, которую мать репетировала с ней перед зеркалом с двенадцати лет: *«Не скаль зубы, как старлетка из рекламы зубной пасты, Лоран. Настоящая порода улыбается только уголками рта»*.

Вокруг нее сиял, переливался кутюром и гудел главный ярмарочный балаган планеты.

В воздухе висела тяжелая, душная взвесь: аромат ста различных селективных парфюмов, лака для волос сильной фиксации, нагретого под телевизионными софитами бархата кресел и чужого, тщательно замаскированного страха. Три тысячи человек в смокингах и вечерних туалетах аплодировали, смеялись шуткам ведущего и делали вид, что искренне рады за коллег, в то время как операторы на кранах плавно проносили камеры над головами, выискивая малейшую фальшь.

— Спину, дорогая, — не размыкая накрашенных губ, одними связками прошептала слева ее мать, Элеонора Вейл. — На тебя сейчас работает третья камера с правого крана. Убери подбородок от света, у тебя тень под скулой.

Лоран послушно выпрямила позвоночник еще на полдюйма, хотя жесткий внутренний корсет ее белоснежного шелкового платья от *Dior*и так впивался косточками в ребра при каждом вдохе.

Слева от нее сидела мать — двукратная обладательница «Оскара» девяностых годов, живая икона золотого века Голливуда в закрытом изумрудном бархате. Еще левее — отец, Ричард Вейл, глава совета директоров одной из старейших продюсерских корпораций Калифорнии. А справа, трогательно сжимая пальцы Лоран в своей влажной от волнения ладошке, устроилась ее лучшая подруга и личная ассистентка Хлоя Миллер в золотистом платье с пайетками.

Идеальная картинка для трансляции на двести стран мира.

Династия Вейл во всем своем несокрушимом блеске.

Вот только никто из зрителей по ту сторону экрана не знал, чего Лоран стоило само присутствие в этом кресле.

Съемки в независимой артхаусной драме «Тихая вода» у опального европейского режиссера Элиаса Мора были единственным поступком за все ее двадцать шесть лет, который она совершила вопреки воле семьи. Она пришла к Мору на слепые пробы под девичьей фамилией бабушки, без агентов отца, в старом свитере и без макияжа. И потом два месяца в ледяной ноябрьской воде северного Орегона, среди грязи и тумана, выворачивала перед камерой собственную душу, играя немую женщину, потерявшую ребенка.

Она думала, что если сделает эту работу гениально — честно, без блата и отцовских чеков, — то наконец докажет им всем. Докажет матери, что она настоящая актриса, а не бледная копия ее славы. Докажет индустрии, что она не просто «непо-бейби» из Бель-Эйр.

А потом фильм неожиданно выстрелил на фестивалях, и семья Вейл мгновенно приватизировала ее успех.

Отец выкупил права на американский прокат картины и влил полмиллиона долларов в агрессивную оскаровскую пиар-кампанию, на каждом углу рассказывая журналистам, как он «помог дочери раскрыть потенциал». И к февралю в профессиональной среде Голливуда сформировалось железобетонное мнение: Ричард и Элеонора Вейл просто купили своей бездарной принцессе очередную игрушку.

На сцене у микрофона открывали конверт в главной женской номинации года.

Зал затих.

Под ребрами у Лоран неприятно, холодно сжалось — не от жажды победы, а от отчетливого понимания, что любой исход сейчас обернется для нее новой порцией унижения. Проиграет — мать устроит ей в лимузине ледяной разбор полетов о том, как она опозорила вложенные отцом деньги. Выиграет...

— И «Оскар» за лучшую женскую роль получает... Лоран Вейл, «Тихая вода»!

Гром оркестра и рев трехтысячного зала ударили по барабанным перепонкам одновременно.

Вспыхнул ослепительный белый луч прожектора, выхватывая их ряд из полумрака.

— Вставай, Лори, это ты! Боже мой, ты победила! — Хлоя с визгом бросилась ей на шею, едва не сбив укладку, и первой попала в крупный план подлетевшей телекамеры, утирая воображаемую слезу счастья.

Лоран поднялась на ноги, словно сквозь толщу воды.

Она повернулась к родителям. Отец широко, по-хозяйски улыбался объективам, похлопывая ее по плечу для протокольного кадра. А мать... Элеонора Вейл обняла дочь за плечи, прижалась холодной, напудренной щекой к ее виску и в те две секунды, пока микрофоны камер не могли уловить шепот за грохотом аплодисментов, тихо уронила ей прямо в ухо:

— Только не реви у микрофона, как дешевка. Поблагодари академиков и отца за продюсирование, уложись в сорок секунд и не вздумай нести отсебятину.

Лоран отстранилась и пошла по проходу к лестнице, ведущей на сцену.

Каблуки двенадцатисантиметровых босоножек стучали по ступенькам гулко, в такт колотящемуся в горле пульсу. Белый шелк платья скользил по голеням.

Когда она взяла из рук прошлогоднего лауреата тяжелую позолоченную статуэтку — удивительно холодную и увесистую, — и шагнула к микрофонной стойке, зал перед ней превратился в слепящее черное море с тысячами белых точек лиц.

В самом центре четвертого ряда сидели ее мать и отец, глядя на нее с одинаковым выражением собственников, проверяющих работу купленного механизма. А чуть выше, в полутемной боковой ложе почетных музыкальных гостей церемонии, Лоран боковым зрением случайно выхватила высокую темную фигуру мужчины в расстегнутом смокинге, который стоял у барьера с бокалом виски в руке и, в отличие от хлопающего зала, вообще не аплодировал — просто смотрел на нее сверху вниз тяжелым, непроницаемым взглядом.

На стеклянном экране телесуфлера перед ее глазами побежали крупные зеленые буквы текста, который вчера вечером прислал пиарщик отца: *«Я бесконечно обязана этим триумфом моим великим родителям, чья поддержка...»*

У Лоран внутри вдруг что-то натянулось до предела.

Она вспомнила свои стертые в кровь колени на камнях орегонского пляжа. Вспомнила, как режиссер Элиас Мор кричал ей под ледяным ливнем: *«Не играй красиво, Лоран! Дай мне свою настоящую боль!»*

Она перевела взгляд с суфлера прямо в объектив центральной камеры.

— Спасибо Академии и Элиасу Мору за то, что увидел меня без фамилии и титров, — ее низкий, грудной голос разнесся под куполом театра чисто и твердо. — Моя героиня в «Тихой

воде» молчит весь фильм, потому что люди вокруг нее давно решили, чего она должна хотеть и что чувствовать. Я посвящаю эту награду каждой женщине, которая пытается вернуть себе право на собственный голос и право уйти из комнаты, где ей нечем дышать. Спасибо.

Она отступила от микрофона на пятнадцать секунд раньше регламента.

В зале на долю секунды повисла растерянная пауза — никто не услышал положенных реверансов в адрес легендарной четы Вейл, — а затем балкон и ряды молодых актеров взорвались овацией.

Но Лоран смотрела только в четвертый ряд партера.

Лицо Элеоноры Вейл под софитами застыло белоснежной гипсовой маской, а глаза сузились так, что Лоран сразу поняла: дома ей этого не простят никогда.

Официальный Губернаторский бал и закрытое афтепати *Vanity Fair*слились через час в один бесконечный, удушливый хоровод золота, шампанского *Piper-Heidsieck*и чужих рук, которые без конца хватали ее за плечи, талию и локти.

— Лоран, детка, гениально! Повернись со статуэткой к свету!

— Скажи, Ричард уже выкупил для тебя сценарий у Спилберга?

— Элеонора, вы с мужем, должно быть, так гордитесь — девочка наконец-то оправдала вложения!

Слова липли к коже, как сладкий сироп.

Платиновая змея *Bulgari*на шее нагрелась от ее тела и, казалось, стала весить пуд. Из-за туго затянутого корсета платья Лоран уже полчаса не могла сделать ни одного полного вдоха животом — воздух заходил только в самые верхушки легких, отчего в висках начинала стучать глухая, пульсирующая боль, а кончики пальцев рук под кольцами постепенно холодели.

— Мне нужно отойти на пять минут в уборную, — сказала Лоран, когда мать в очередной раз развернула ее за локоть к группе финансовых спонсоров во главе с каким-то седовласым банкиром.

— Потерпишь, — сквозь ослепительную светскую улыбку процедила Элеонора, еще крепче сжимая пальцами ее предплечье. — Свою речь на сцене ты уже провалила, выставив нас с отцом тиранами перед всей прессой. Сейчас к нашему столу подойдет Джулиан Вэнс, от которого зависит финансирование летнего пакета студии. Будешь стоять здесь и улыбаться, пока я не разрешу уйти.

У Лоран потемнело в глазах от нехватки воздуха.

— Мама, мне плохо, у меня кружится голова от корсета...

— У тебя кружится голова от собственной неблагодарности, — отрезала мать и отвернулась к подошедшему продюсеру.

Лоран воспользовалась тем, что отца и мать окружили гостями, сделала шаг назад в плотную толпу и, прижимая к груди тяжелый «Оскар», почти бегом направилась через зал к мраморному коридору, ведущему в дамские комнаты VIP-сектора.

В роскошном холле уборной, отделанном розовым кварцем и зеркалами, к счастью, никого не было.

Лоран оперлась одной рукой о прохладный край раковины, поставила статуэтку рядом с золотым краном и попыталась глубоко вздохнуть, глядя на свое бледное, с лихорадочно блестящими глазами отражение. Пальцы дрожали. Нужно было просто умыть шею холодной водой, пробыть в тишине две минуты и вернуться.

Она толкнула дверь крайней просторной кабинки, зашла внутрь и опустила крышку унитаза, чтобы просто сесть и перевести дух, даже не запирая замок до конца.

И в эту секунду тяжелая внешняя дверь уборной распахнулась, впуская внутрь волну музыки из зала и звонкий женский смех.

К раковинам подошли трое — судя по голосам, две светские журналистки из главного глянцевого пула церемонии и... Хлоя.

Лоран узнала голос лучшей подруги мгновенно, а посмотрев вниз, в широкий просвет под матовой дверью кабинки, увидела три пары обуви на мраморном полу: серебристые лодочки, черные босоножки на платформе и те самые белые туфли *Louboutin*на красной подошве, которые она сама подарила Хлое на прошлой неделе, а рядом с раковиной на столешницу опустился знакомый клатч из золотой змеиной кожи.

Лоран уже хотела кашлянуть и выйти из кабинки, когда услышала свое имя.

— ...Слушай, Хлоя, ну между нами, без диктофона, — со смешком спросила одна из журналисток, подкрашивая губы у зеркала. — Что это за феминистский манифест твоя Вейл выдала на сцене про «закрытую комнату»? Решила поиграть в независимую страдалицу, пока папаша выписывал чеки академикам за ее статуэтку?

У Лоран внутри все замерло. Она ждала, что сейчас Хлоя — ее верная Хлоя, которая знала, как Лоран рыдала от усталости после смен в Орегоне и как ненавидела вмешательство отца, — заткнет этой стерве рот.

Вместо этого за дверью раздался тихий, заискивающий, полный приторного сожаления вздох Хлои:

— Ох, девочки, вы даже не представляете, как нам всем с ней тяжело в последние месяцы... На сцене она, конечно, актриса, умеет сделать красивое лицо, но в жизни — бедная девочка совсем не справляется с давлением. Элеонора и Ричард буквально вытянули этот фильм из болота за уши, вложили миллионы в ее победу, пылинки с нее сдувают, а у Лоран каждый день то истерики на пустом месте, то панические припадки, то таблетки...

Звук открываемой пудреницы сухо щелкнул в тишине.

— Да ладно?! — жадно оживилась вторая репортерша. — Таблетки? То есть слухи про то, что у золотой девочки едет крыша от вседозволенности — правда?

— Я вам ничего не говорила, вы же знаете, я ей как сестра и прикрываю ее как могу, — понизив голос до доверительного шепота, продолжила Хлоя. — Но честно? Мне иногда так жалко ее родителей. Она просто не понимает, что без их фамилии и денег Ричарда она бы в этом городе даже кастинг в рекламу майонеза не прошла. Сейчас в зале опять закатила матери сцену, убежала куда-то с перекошенным лицом... Боюсь, как бы она сегодня до конца вечера не сорвалась прямо перед камерами.

Вторая журналистка хищно рассмеялась:

— Ну, если сорвется — мой фотограф дежурит у выхода из VIP-ложи. Кстати, Хлоя, Джакс Рейн просил передать, что завтра утром ждет тебя на том кастинге, о котором вы говорили. Ты умница, что держишь в курсе.

Лоран сидела в закрытой кабинке, зажав рот обеими ледяными ладонями, чтобы не издать ни звука, и смотрела на красную подошву белых туфель в полуметре от себя.

Ей показалось, что пол под ногами провалился в черную бездну.

Хлоя.

Одиннадцать лет дружбы. Ключи от ее дома. Все ее тайны, все ее ночные страхи, все слезы, которые она доверяла единственному человеку в мире. И этот человек прямо сейчас, через десять минут после ее триумфа, стоял перед главными сплетницами Голливуда и хладнокровно, за обещанную подачку на кастинге, продавал ее с потрохами, объявляя бездарной психопаткой на папиных деньгах!

Каблуки простучали по мрамору — троица вышла за дверь.

А у Лоран внутри сработал детонатор.

Боль от предательства ударила под дых одновременно с удушьем от корсета, и сердце в груди вдруг сорвалось с ритма, перейдя в безумный, колотящийся о ребра галоп.

Воздух в кабинке закончился мгновенно.

Она выскочила наружу, схватила с раковины свой ненавистный золотой «Оскар» и бросилась обратно в банкетный зал с одной-единственной мыслью в затуманивающейся голове: *на воздух. Найти черный ход и выбраться на улицу, пока я не упала прямо здесь*.

Она почти пересекла боковую галерею зала, лавируя между официантами с подносами, но прямо у тяжелых портьер, за которыми виднелся спасительный коридор к служебной пожарной лестнице, ей наперерез шагнула Хлоя.

На лице подруги сияла та самая ангельская, заботливая улыбка, с которой она обнимала ее в партере пятнадцать минут назад.

— Лори! Вот ты где, малыш! — громко, так чтобы обернулись стоящие за соседними столиками гости и дежуривший у колонны парень в форме официанта с поднятым на уровень груди смартфоном, воскликнула Хлоя и крепко вцепилась пальцами в обнаженное предплечье Лоран. — Пойдем скорее к столику, там твоя мама и Джулиан Вэнс тебя ждут, неудобно заставлять таких людей...

Лоран посмотрела сверху вниз на ее руку, сжимающую ее кожу. На золотой клатч под мышкой. В лживые голубые глаза.

В ушах стоял оглушительный гул, горло под платиновой змеей колье сжималось в мертвую петлю, не пропуская ни капли кислорода, а прямо за плечом Хлои в трех метрах она увидела направленный на них черный глазок объектива чужого телефона.

Они загоняли ее в ловушку прямо сейчас.

— Убери от меня руки, Хлоя, — хрипло, задыхаясь на каждом слоге, выговорила Лоран, пытаясь отступить к портьерам. — Пусти меня, мне нужно выйти...

— Да что с тобой такое, Лоран?! — еще громче, привлекая внимание всего сектора, вскрикнула Хлоя и, вместо того чтобы отпустить, вцепилась обеими руками в ее локоть, удерживая на месте под идеальным углом для съемки. — Малыш, ты вся дрожишь, ты опять приняла что-то в туалете?! Не устраивай сцену перед гостями, пойдем присядем!

Кто-то за соседним столом уже повернул голову с открытым ртом. Вспыхнул еще один экран телефона.

Легкие Лоран горели сухим огнем, перед глазами поплыли черные круги. Если она останется здесь еще на пять секунд — она рухнет на пол в судорогах удушья под хохот и вспышки этой стаи.

Собрав последние остатки сил, Лоран резко, с отчаянным рывком выдернула свою руку из цепких пальцев Хлои — так сильно, что та пошатнулась назад на своих белых каблуках, — отшвырнула плечом бархатную портьеру и бросилась бегом по пустому бетонному коридору к стальной двери с горящей зеленой табличкой «EXIT».

Она не видела, как позади нее в зале официант с телефоном удовлетворенно кивнул Хлое, сохраняя одиннадцатисекундный ролик, где «оскароносная истеричка с безумными глазами отталкивает лучшую подругу и сбегает с банкета».

Она просто навалилась всем весом своего тела на холодную металлическую перекладину аварийного замка, распахнула тяжелую дверь наружу и вывалилась на мокрую от дождя пожарную лестницу в темный переулок — прямо туда, где в тени за вентиляционной шахтой уже горел в темноте красный уголек чужой сигареты.

Глава 2. Дыши со мной

Тяжелая противопожарная дверь захлопнулась за ее спиной с глухим металлическим лязгом, отсекая гул банкетного зала, звон бокалов и тысячи чужих голосов.

Но воздух, ради которого Лоран бежала сюда через весь коридор, в легкие так и не пошел.

Узкий пролет технической лестницы с заднего фасада театра «Долби» нависал над мокрым, блестящим от недавнего дождя переулком. Здесь пахло сырым бетоном, озоном, мусорными контейнерами и чьим-то резким, горьковатым табачным дымом. Было холодно — мартовский ветер Лос-Анджелеса мгновенно пробил тонкий белый шелк кутюрного платья, обжигая обнаженную до поясницы спину и плечи ледяными иглами.

Лоран сделала два неверных шага к железным перилам, но каблуки двенадцатисантиметровых босоножек подвернулись на решетчатом настиле.

Она выронила на металл тяжелую позолоченную статуэтку «Оскара» — награда глухо звякнула и откатилась к стене, как ненужная кегля, — а сама Лоран обеими руками вцепилась в горло.

Прямо туда, где на фарфоровой коже сомкнулась платиновая змея колье *Bulgari*за два миллиона долларов.

Ей казалось, что металл ожил и с каждой секундой сжимается все туже, вдавливая трахею внутрь. В ушах стоял оглушительный, нарастающий звон, сердце колотилось где-то под самыми ключицами с такой бешеной, пулеметной скоростью, что грудную клетку ломило от боли, а перед глазами плыли черные маслянистые пятна.

Я сейчас умру. Прямо здесь, у черного хода, в этом проклятом платье.

Она пыталась вдохнуть ртом — широко, жадно, как выброшенная на берег рыба, — но вместо кислорода из горла вырывался только тонкий, сухой свист. Пальцы онемели и не слушались; она отчаянно дергала крошечный ювелирный замочек сзади на шее, ломая идеальный маникюр и расцарапывая кожу в кровь, но секретный фиксатор заклинило намертво.

— Черт... пожалуйста... — выдохнула она одними побелевшими губами, оседая вниз по холодной кирпичной стене, и в отчаянии зажала рот ладонью, чтобы никто внутри здания не услышал, как позорно, по-звериному она хрипит.

И тут из густой тени верхней площадки, прямо из-за бетонного выступа вентиляционной шахты, раздался низкий, прокуренный мужской голос с легкой хрипотцой:

— Если ты сейчас оторвешь себе голову вместе с этим ошейником, дышать легче не станет.

Лоран так резко дернулась от неожиданности, что затылком стукнулась о кирпич.

Она была здесь не одна.

В трех метрах от нее, привалившись широким плечом к железным перилам лестницы, стоял мужчина.

В тусклом желтом свете единственного фонаря над дверью она сначала увидела только его высокий, мощный силуэт и тлеющий красный уголек сигареты, зажатой между длинных пальцев левой руки. На нем был расстегнутый черный пиджак от смокинга и черная рубашка, ворот которой был небрежно распахнут до середины груди, открывая смуглую кожу и темный край какой-то татуировки у ключицы. Густые темные волосы доходили почти до плеч и были взъерошены, словно он только что пятерней драл их от ярости.

Он не спеша затушил сигарету о стальной поручень, бросил окурок в урну внизу и шагнул из тени под свет фонаря.

Лоран смотрела на него снизу вверх сквозь пелену слез и темные круги в глазах, судорожно хватая ртом воздух, и не могла произнести ни слова.

Его лицо было резким, хищным, с высокими скулами, густой темной щетиной на челюсти и такими глубокими, почти черными глазами под сдвинутыми бровями, что в полумраке подворотни он казался не гостем светского раута, а человеком, который пришел сюда кого-то убить.

Тем более что костяшки его правой руки были разбиты в кровь — свежая багровая ссадина тянулась через все суставы, а на бетонном выступе стены позади него темнел след от удара.

Незнакомец посмотрел на ее скрюченную у стены фигуру, на побелевшие пальцы, все еще терзающие бриллиантовую змею на шее, и на валяющийся у его тяжелых черных ботинок золотой «Оскар».

Он понял всё за две секунды.

Не стал задавать идиотских светских вопросов в духе «вам плохо?» или «позвать ли охрану?».

Он просто опустился перед ней на корточки — так близко, что подол ее белого платья накрыл носки его ботинок, а от него пахнуло холодным ночным ветром, дорогим виски, табаком и чистым, горячим мужским телом.

— Руки убери от шеи, — спокойно, но с такой бескомпромиссной, властной твердостью велел он, что ее пальцы разжались сами собой. — Не дергайся. Сейчас сниму.

Лоран замерла, глядя в распахнутый ворот его рубашки в десяти сантиметрах от своего лица и продолжая часто, поверхностно всхлипывать перехваченным горлом.

Его руки поднялись к ее шее.

Удивительное дело: эти огромные, тяжелые ладони с разбитыми в кровь костяшками и жесткими мозолями на подушечках пальцев коснулись ее кожи за ухом с такой невероятной, почти ювелирной осторожностью, будто он держал в руках раненую птицу. От его пальцев шел сухой, обжигающий жар; когда он случайно задел внутреннюю сторону ее шеи, у Лоран по позвоночнику вниз прокатилась странная дрожь, на долю секунды перебившая даже ледяной озноб паники.

— Секретка с двойным язычком, — негромко пробормотал он прямо у ее виска, нажимая ногтем на крошечную пружину застежки, которую она в истерике тянула в другую сторону. — Кто только придумывает эту херню. Готово.

Раздался тихий металлический щелчок.

Тяжелая платиновая удавка разомкнулась и соскользнула с ее ключиц прямо в его подставленную ладонь.

Лоран судорожно рванула ртом воздух, но обруч в груди не отпускал — сердце продолжало биться под двести ударов, перед глазами все плыло, а пальцы рук свело такой ледяной судорогой, что она не могла их разогнуть.

— Я... не могу... — прошептала она, и из глаз наконец брызнули горячие слезы животного страха и стыда. — Уйдите... пожалуйста, не смотрите...

Она попыталась отвернуться лицом к грязному кирпичу стены, сгорая от ужаса, что сейчас он достанет телефон и снимет продолжение того кошмара, который начался три минуты назад в зале с Хлоей.

Но мужчина не достал телефон. И не ушел.

— Эй, — он положил бриллиантовое колье прямо на железную ступеньку рядом с забытым «Оскаром», словно это была грошовая бижутерия, и здоровой левой ладонью мягко, но настойчиво взял ее за подбородок, поворачивая лицом обратно к себе. — На меня посмотри. Никто на тебя не пялится, тут никого нет. Но если ты продолжишь так дышать верхушками легких, ты через минуту вырубишься и разобьешь лоб об эту решетку.

Его темные глаза на расстоянии ладони смотрели прямо в ее расширенные зрачки — без жалости, без брезгливого любопытства толпы, спокойно и надежно, как скала посреди шторма.

— Ты сейчас не задыхаешься, — низко, почти гипнотически произнес он, удерживая ее взгляд. — У тебя просто зашкаливает адреналин. Перестань хватать воздух ртом. Сожми губы и выдохни всё, что есть в груди, прямо на мою ладонь. Медленно. Давай.

Он поднес свою открытую руку к ее губам.

Лоран, цепляясь за этот низкий, уверенный баритон как за единственную твердую точку во вращающемся мире, с трудом сомкнула дрожащие губы и выдула из себя длинную, рваную струйку горячего воздуха на его ладонь.

— Хорошо, — кивнул он. — А теперь смотри на мою грудь и вдыхай носом вместе со мной. На четыре счета. Не глубже. Раз... два... три... четыре.

Он сделал медленный, глубокий вдох — его широкая грудная клетка под распахнутой черной рубашкой плавно поднялась.

Лоран повторила за ним.

Вместе с воздухом в легкие ворвался его запах — терпкий кедр, дым, ночная свежесть. Гортань все еще сжималась, но на выдохе, который он заставил ее растянуть на шесть счетов, первая ледяная спица под ребрами чуть сдвинулась с места.

— Еще раз, — скомандовал он, не убирая пальцев от ее подбородка; его большой палец медленно, ритмично поглаживал ее скулу в такт счету, заземляя и возвращая чувствительность онемевшей коже. — Вдох... два, три, четыре. Выдох... Назови мне три вещи, которые ты сейчас видишь перед собой. Вслух.

— Твою... рубашку, — хрипло, заикаясь на вдохе, выдавила Лоран. — Пуговицу... И кровь. На твоей руке.

Уголок его рта едва заметно дрогнул:

— Отлично. Значит, зрение вернулось. Еще один цикл. Вдох... и длинный выдох.

К пятому вдоху бешеный галоп сердца в груди Лоран наконец начал замедляться, переходя в тяжелые, редкие удары. Черные пятна перед глазами отступили, вернув четкость мокрому асфальту переулка внизу и кирпичной кладке стены, но вслед за отступившим приступом тело накрыл такой дикий, колотящий озноб, что у нее застучали зубы, а голые плечи покрылись крупной гусиной кожей.

Незнакомец заметил это мгновенно.

Он поднялся во весь рост, в одно движение сбросил с плеч не смокинг, который лежал на перилах, а висевшую там же поверх пиджака тяжелую черную байкерскую куртку из плотной матовой кожи, и опустил ее прямо на плечи Лоран, укутывая ее целиком от шеи до бедер.

Куртка была огромной, теплой от его тела и весила как бронежилет.

А затем он шагнул к выступу вентиляционной шахты, взял стоявшую там запечатанную стеклянную бутылку минеральной воды, одним поворотом здоровой кисти сорвал крышку с пластикового кольца и снова опустился перед ней на ступеньку, протягивая бутылку:

— Пей. Мелкими глотками.

Лоран обхватила холодное стекло двумя руками, кутаясь в его пахнущую кожей и кедром куртку, и сделала три глотка. Вода протолкнула вниз последний сухой ком в горле.

Она опустила бутылку на колени и несколько секунд просто сидела на ступеньке, привалившись спиной к стене и глядя на этого странного человека, который устроился на ступеньку ниже, вытянув длинные ноги в черных брюках и положив разбитую правую руку на колено.

К ней возвращалась способность мыслить — а вместе с ней и осознание того, как дико вся эта сцена выглядит со стороны.

Обладательница главной кинонаграды мира сидит на грязной пожарной лестнице в куртке с чужого плеча, с валяющимся на полу «Оскаром», а рядом с ней — мужчина, чье лицо она только сейчас, когда туман в голове рассеялся, наконец узнала.

Нолан Кросс.

Фронтмен *Black Horizon*. Человек, чьи платиновые рок-альбомы гремели из каждого утюга, а светская хроника слагала легенды о его скверном характере, разбитых в турах гитарах и полном презрении к голливудскому бомонду.

— У вас... рука разбита, — тихо сказала Лоран своим настоящим, низким грудным голосом, еще слегка осипшим после спазма, и кивнула на его окровавленные костяшки. — Кажется, вам вода и лед сейчас нужнее, чем мне.

Нолан повернул голову и посмотрел на нее с ленивым, изучающим прищуром.

Теперь, когда она больше не умирала у него на глазах, в его взгляде проснулся чисто мужской, острый интерес: он скользнул глазами по ее растрепанным темным волосам, по бледному лицу с размазанной у ресниц слезой, по огромным глазам и по тому, как она утонула в его кожаной куртке, из-под которой выглядывал белый шелк кутюрного платья.

— Стена в гримерке оказалась тверже, чем аргументы моего продюсера, — сухо ответил он. — Не бери в голову. Заживет.

Лоран посмотрела на свои босоножки, которые натерли щиколотки в кровь за пять часов церемонии, и, наплевав на остатки этикета, прямо под полой его куртки расстегнула тонкие ремешки, сбросив туфли с ног и поджав замерзшие босые ступни под подол платья.

Нолан проследил за этим движением, и в глубине его темных зрачков мелькнула одобрительная искра:

— Давно пора. Никогда не понимал, зачем вы добровольно надеваете эти орудия пыток.

— Затем же, зачем и этот ошейник за два миллиона, — Лоран кивнула на бриллиантовую змею, тускло сверкавшую на железной ступеньке рядом с золотой статуэткой. — Положено по контракту улыбаться и изображать счастье, даже если у тебя пережата сонная артерия.

Нолан взял в пальцы золотую фигурку «Оскара», взвесил ее в руке с ироничным видом и поставил вертикально рядом с ее бедром.

— Я видел из ложи, как ты его получала полчаса назад, — негромко заметил он. — Со стороны казалось, что это лучший вечер в твоей жизни, Лоран Вейл.

Она горько усмехнулась, сильнее кутаясь в воротник его куртки и пряча подбородок в мягкую кожу:

— На сцене я работаю, мистер Кросс. А лучший вечер закончился в ту минуту, когда я спустилась в зал.

Она замолчала, глядя в темный переулок, и вдруг поймала себя на том, что ей совершенно не хочется врать или держать лицо перед этим человеком.

— Спасибо, что не достали телефон, — тихо добавила она. — И что помогли. Там внутри... меня пять минут назад уже сняли на видео, когда я пыталась вырваться и выйти сюда. Завтра утром весь мир будет обсуждать, с чего это я слетела с катушек.

Нолан нахмурился, его взгляд стал жестче:

— И ты поэтому сидишь здесь на бетоне и трясешься? Из-за кучки лицемеров с телефонами, которые через пять минут после твоей победы ищут, где ты оступишься?

— Вы не знаете мою семью и этот город, — глухо ответила Лоран. — Здесь не прощают слабости. Особенно когда твоя фамилия Вейл, и половина зала уверена, что награду тебе купил отец.

Нолан смотрел на нее долго и пристально.

В желтом свете фонаря его лицо больше не казалось пугающим — в нем была какая-то усталая, суровая правда человека, который сам прошел через мясорубку чужих ожиданий и выжил только потому, что научился посылать всех к черту.

— Я видел твой фильм на прошлой неделе в самолете, Вейл, — вдруг сказал он совершенно серьезно. — «Тихую воду». Та сцена на пирсе под дождем, где ты три минуты молчишь в камеру.

У Лоран удивленно дрогнули ресницы:

— Вы смотрели?

— Смотрел. И если кто-то в том зале вякает, что за такую игру можно заплатить папиными деньгами — можешь смело бить им этим золотым мужиком по башке. Он тяжелый, килограмма четыре точно есть.

Лоран смотрела на него во все глаза — и вдруг, совершенно неожиданно для самой себя, тихо, хрипло рассмеялась.

Смех вышел коротким, но от него внутри словно окончательно лопнул последний ледяной пузырь страха.

Глаза Нолана при звуке ее смеха мгновенно потемнели; его взгляд опустился к ее губам, и в воздухе между ними на узкой железной лестнице вдруг повисло что-то плотное, горячее и совсем не похожее на разговор двух случайных знакомых.

— Вы... — начала Лоран, но в этот момент у нее в клатче коротко завибрировал телефон, а в дальний конец переулка с улицы свернули яркие белые фары тяжелого черного внедорожника.

Машина остановилась в двадцати метрах от лестницы. Дверца распахнулась, и на мокрый асфальт вышла высокая женщина в черном тренировочном костюме и кожаной куртке, быстрым, хищным взглядом сканируя подворотню.

Стелла.

Лоран торопливо поднялась со ступеньки, подхватывая одной рукой свои босоножки и злополучное колье, а второй взялась за края кожаной куртки Нолана, намереваясь снять ее и вернуть владельцу:

— За мной приехали. Возьмите куртку, я...

Нолан поднялся следом, оказываясь прямо перед ней на узкой площадке — высокий, широкоплечий, заслоняющий собой весь свет фонаря, — и его здоровая левая рука легла поверх ее пальцев у ворота куртки, не позволяя расстегнуть молнию.

Прикосновение его горячей ладони к ее руке снова высекло под кожей мелкую искру.

— Оставь себе на сегодня, — низко сказал он, глядя ей прямо в глаза сверху вниз. — У тебя зуб на зуб не попадает, а до машины идти по ветру. Потом вернешь.

— Но как я вас найду?..

На губах Нолана появилась медленная, чуть кривая полуулыбка:

— Город маленький, Вейл. Найдемся. А статуэтку свою не забудь, а то уборщики утром сдадут в цветмет.

Он поднял с пола «Оскар», вложил холодный металл в ее свободную руку и отступил на полшага в тень верхней площадки, еще до того, как Стелла быстрым шагом подошла к подножию лестницы:

— Лоран! Ты цела?! Живо в машину!

Лоран спустилась по железным ступенькам босиком, сжимая в одной руке туфли и «Оскар», а другой придерживая на груди чужую кожаную куртку, которая согревала ее лучше любого камина.

Уже садясь на заднее сиденье заведенного внедорожника Стеллы, она не выдержала и обернулась назад.

Площадка пожарной лестницы под желтым фонарем была пуста — только в воздухе над перилами медленно таяло сизое облачко табачного дыма.

А тем временем за стеной театра, в банкетном зале, неизвестный человек в костюме официанта уже нажимал кнопку «Отправить» в мессенджере, пересылая в редакцию главного таблоида страны одиннадцатисекундное видео, с которого утром начнется ее война.

Глава 3. Цифровой трибунал

Боксерский зал Стеллы Дюваль на границе Калвер-Сити пах потом, старой кожей, разогревающей мазью с камфорой и абсолютным равнодушием к голливудским иерархиям.

Когда во вторник в десять утра Лоран переступила порог бывшего ремонтного ангара, на ней были темные леггинсы, растянутая серая толстовка с капюшоном, натянутым по самые брови, и огромные солнцезащитные очки в пол-лица. Ей казалось, что каждый прохожий на улице, каждый бариста в кофейне на углу и даже светофор на перекрестке смотрят на нее и видят только одно — тот самый одиннадцатисекундный ролик с банкета и жирный черный хэштег #NepoWhore, который за последние тридцать шесть часов превратил ее жизнь в публичную виселицу.

Она не спала две ночи подряд.

Вчера она совершила главную ошибку всех жертв интернет-линчевания: открыла комментарии под новостями на крупнейших порталах и просидела над ними до четырех утра, заливая пустой желудок холодным кофе.

Ее препарировали заживо.

Миллионы людей, которые никогда не видели ее вживую и даже не смотрели «Тихую воду», с упоением обсуждали ее лицо на стоп-кадре, ставили ей диагнозы от наркотического психоза до шизофрении, публиковали адреса домов ее родителей и соревновались в том, кто придумает более грязную шутку про то, каким именно местом она «заработала» свой «Оскар».

Родители не приехали. Отец прислал сухое сообщение через секретаря, что юристы готовят антикризисный пакет, а мать передала через Хлою одно-единственное предложение: *«Передай ей, чтобы не смела высовывать нос из дома и комментировать что-либо до завтрашнего ужина, она и так опозорила нас на десять лет вперед»*.

В собственном стерильном особняке на холмах Лоран к утру вторника начала задыхаться просто от тишины и вибрации телефона на столе.

И тогда она поехала к единственному человеку в этом городе, которому было глубоко наплевать на «Оскары», фамилию Вейл и тренды Твиттера.

В утреннем зале было почти пусто: только в дальнем углу чернокожий парень-полусредневес с пулеметной скоростью работал по пневматической груше, да гудели под высоким железным потолком промышленные вентиляторы.

Стелла стояла в центре ринга, протирая полотенцем кожаные боксерские лапы.

В коротком черном топе, открывавшем стальной пресс с четкими кубиками, и тайских шортах она выглядела так, будто ее отлили из титана. Тонкий белый шрам под левым глазом на смуглой скуле резко выделялся в жестком верхнем свете ламп.

Увидев крадущуюся вдоль стенки фигуру в капюшоне и очках, Стелла даже не вздохнула — просто бросила полотенце на канаты и протянула открытую ладонь:

— Сюда давай.

Лоран остановилась у края помоста:

— Что — сюда?

— Телефон свой. Быстро.

Лоран нехотя вытащила из кармана толстовки раскаленный от уведомлений смартфон. Экран в этот самый миг снова вспыхнул плашкой очередного таблоида.

Стелла забрала аппарат, не глядя зажала боковую кнопку, выключая его намертво, и с размаху закинула в железный ящик под стойкой администратора, повернув ключ в навесном замке.

— Теперь очки и толстовку долой, бинтуй руки и в ринг, — скомандовала она. — У тебя пять минут на разминку суставов, Вейл. Если я сегодня услышу хоть одно слово про интернет, твою мамочку или кинокритиков — будешь делать сто берпи за каждую жалобу.

Лоран стянула очки, обнаружив под ними запавшие, обведенные темными кругами бессонницы глаза, и попыталась слабо огрызнуться, наматывая эластичный красный бинт на запястье:

— Гуманизм и эмпатия всегда были твоим коньком, Дюваль. Между прочим, меня вчера вечером в вечернем шоу на национальном канале назвали «главным разочарованием генетики со времен падения Римской империи».

— И что? — Стелла надела боксерские лапы, глухо хлопнув ими друг о друга. — Ты с этим согласна?

— Нет!

— Тогда какого хрена ты второй день ходишь с такой спиной, будто несешь на себе крест за все грехи Голливуда? Залезай в канаты, живо!

Первые пятнадцать минут тренировки превратились в форменное избиение младенцев — причем избивала Лоран саму себя собственной головой.

Она двигалась вяло, ноги в боксерках заплетались, дыхание сбивалось после каждой тройки ударов. Вся ее энергия уходила внутрь, в бесконечную мысленную жвачку: перед глазами то и дело всплывали скриншоты статей, перекошенное лицо матери, заискивающий шепот Хлои в туалете театра «Долби», а поверх всего этого — почему-то темные, внимательные глаза незнакомого мужчины на ночной пожарной лестнице и то, как бережно он расстегивал проклятый бриллиантовый замок на ее шее.

— Ты сегодня мух отгоняешь или бьешь, Вейл?! — рявкнула Стелла, легко сбивая ее ленивый джеб в сторону и тут же обозначая своей лапой жесткий встречный удар прямо в открытый лоб Лоран, отчего та отшатнулась назад, едва не сев на канаты. — Подбородок к груди! Локти собери! Куда ты пялишься поверх моего плеча?! Там нет папарацци, там кирпичная стена!

— Я устала, Стелла! — сорвалась Лоран, опуская руки в тяжелых двенадцатиунцовых перчатках и тяжело дыша ртом. По вискам под прилипшими прядями волос катился горячий пот. — Я не спала двое суток! У меня руки как ватные!

Стелла не опустила лапы.

Наоборот — она пошла на нее вперед, шаг за шагом тесня Лоран спиной в глухой угол ринга и буквально запирая ее своим корпусом между канатами.

Точно так же, как позавчера вечером ее зажали в кольце тел и камер на банкете.

У Лоран мгновенно сработал условный рефлекс: зрачки расширились, дыхание перехватило в районе ключиц, и она инстинктивно попыталась вжаться лопатками в угловую подушку ринга, закрывая лицо перчатками в глухой пассивной защите.

Стелла со всего маху ударила обеими лапами по ее блоку — раз, второй, третий! Глухие, пушечные хлопки кожи о кожу гулко разнеслись под сводами ангара, отдаваясь тупой болью в плечах и локтях Лоран.

— Опять зажалась?! — крикнула Стелла ей прямо в лицо через прорезь между перчатками. — Опять ждешь, когда все закончится и тебе разрешат подышать?! Никто тебе ничего не разрешит в этом городе, Лоран! Посмотри, что ты делаешь всю жизнь: тебя бьют — ты пятишься! На тебя орут — ты задерживаешь дыхание и ищешь дверь на лестницу!

— Пусти меня из угла! — голос Лоран зазвенел от проснувшейся злости и клаустрофобии; воздух в легких снова начал заканчиваться.

— Сама выйди! — Стелла нанесла еще один тяжелый удар по ее защите, вжимая ее в канаты. — Твоя мать двадцать шесть лет учила тебя быть хорошей, вежливой девочкой, которая не смеет показать зубы! Вот поэтому твое тело и включает панические атаки, Вейл! Паника

— это твоя невыпущенная наружу ярость, которую ты жрешь ложками и направляешь против самой себя! Ты не слабая, ты просто боишься разозлиться по-настоящему!

— Я не боюсь!

— Боишься! Ты даже сейчас боишься ударить меня в полную силу, чтобы не показаться некрасивой и агрессивной! Ну же, вспомни, как тебя назвали в интернете! Вспомни лицо своей подружки Хлои на том видео! Вспомни, как твой папаша вчера велел тебе заткнуться! Вытащи эту злость из живота и пробей себе дорогу из угла через меня, мать твою!

Слова Стеллы упали на открытую рану как плеснутый из канистры бензин.

Перед глазами Лоран на долю секунды полыхнуло красным.

Исчез страх. Исчезла усталость.

Из самой глубины живота — оттуда, где годами копились проглоченные слезы, унизительные кастинги, холодные взгляды матери и вчерашнее отчаяние перед экраном ноутбука, — вдруг поднялась такая густая, первобытная, слепая волна бешенства, какой она не испытывала никогда в жизни.

Лоран не стала пятиться.

С коротким, хриплым, совсем не женским рыком на выдохе она резко нырнула под выставленную руку Стеллы, развернула бедро и плечо и вложила весь вес своего тела в сокрушительную серию: левый сбоку в корпус — правый прямой — и страшный по силе левый апперкот снизу точно в центр подставленной лапы тренера!

Удар вышел таким жестким и хлестким, что звук хлопка напомнил пистолетный выстрел, а саму Стеллу на полшага отбросило назад к центру ринга.

— Еще! — азартно заорала Стелла, мгновенно поднимая лапы и сверкая глазами. — Не останавливайся! Гони меня к канатам! Дыши на каждый удар!

Лоран пошла вперед.

Она больше не думала о технике и о том, как выглядит со стороны.

Бам! Бам! Бам!

Каждый удар вышибал из ее груди по куску той черной, липкой слизи, которой ее пытались залить последние двое суток. Она била двойками, тройками, добавляла жесткие удары коленями в корпус, когда Стелла переходила в клинч, выкрикивала воздух с каждым выпадом, пока мир вокруг не сузился до кожаных мишеней перед глазами и огня в собственных мышцах.

Когда через три бесконечных раунда без перерыва пронзительно зазвенел гонг таймера и Стелла скомандовала «Стоп!», Лоран рухнула на колени прямо посреди синего настила ринга.

Грудь ходила ходуном, футболка под сброшенной еще в первом раунде толстовкой промокла насквозь, волосы превратились в мокрые сосульки, облепившие пылающее лицо, а руки в перчатках мелко дрожали от полного мышечного отказа.

Но внутри — впервые с вечера воскресенья — стояла кристальная, звенящая, вымытая до блеска тишина.

Стелла подошла к ней, одним движением расстегнула липучки на ее перчатках, стащила их и протянула бутылку холодной воды с электролитами.

Лоран сделала несколько жадных глотков, обливаясь водой по подбородку и шее, и посмотрела на подругу снизу вверх:

— Ты садистка, Дюваль.

— Я лучший психотерапевт в этом штате, и беру в три раза дешевле, — Стелла впервые за утро скупо улыбнулась уголком губ, протягивая ей руку и рывком поднимая с колен. — Чувствуешь разницу? Когда ты дерешься, у тебя не остается времени задыхаться. Запомни это состояние мышечной памятью, Вейл. Завтра у твоих родителей и в четверг на балу в музее оно тебе понадобится.

Полчаса спустя они сидели в маленькой тренерской комнате за закрытой дверью, пахнущей свежесваренным кофе и кожаной обивкой старого дивана.

Лоран, принявшая обжигающе горячий душ и переодевшаяся в чистую черную футболку и джинсы, сидела с ногами в глубоком кресле, прижимая к губам кружку с зеленым чаем, и впервые за два дня чувствовала настоящий голод, уплетая принесенный Стеллой сэндвич с индейкой.

Стелла сидела за металлическим столом напротив, закинув ногу в армейском ботинке на открытый ящик, и внимательно слушала, как Лоран рассказывает подробности воскресного вечера — про разговор в туалете театра «Долби», про то, как Хлоя вцепилась ей в локоть под камерами, и про звонок матери с требованием явиться на семейный суд завтра вечером.

Когда Лоран закончила, лицо Стеллы было мрачнее грозовой тучи.

— Значит, белые туфли с красной подошвой и сумочка из золотой змеи, — медленно повторила тренер, катая по столу тяжелую металлическую ручку. — Лоран, я не люблю лезть в твои сентиментальные привязанности, но я работаю в безопасности десять лет. Случайных официантов с профессионально выставленным ракурсом съемки в закрытых VIP-зонах «Оскара» не бывает.

Лоран опустила взгляд в кружку:

— Ты думаешь, Хлоя специально вывела меня под камеру? Стелла, мы дружим со школы. Я оплачивала лечение ее матери...

— Люди продают друзей и за меньшее, чем место под солнцем в Голливуде, особенно когда десять лет ходят за твоей спиной и носят за тобой шлейф платья, — жестко отрезала Стелла. — Я не говорю рубить сплеча без доказательств. Я говорю: перестань давать людям доступ к своему горлу только потому, что у них давно есть ключи от твоего дома. С сегодняшнего дня при Хлое — ни слова о твоих реальных планах, деньгах и слабых местах. Проверь ее молчанием.

Лоран медленно кивнула. Где-то глубоко внутри она и сама уже знала, что Стелла права, — просто признать это вслух означало окончательно согласиться с тем, что последние годы она жила в декорациях из картона.

Стелла перевела взгляд на темную мужскую байкерскую куртку из тяжелой кожи, которая висела на вешалке у двери тренерской — Лоран привезла ее с собой из дома в чехле, так и не зная, куда деть чужую вещь после воскресной ночи.

— А теперь расскажи мне про второго персонажа с пожарной лестницы, — прищурилась Стелла. — Того самого, с разбитыми костяшками, который одел тебя в кожу за пять тысяч баксов и свалил до моего приезда. Ты знаешь, кто это был?

У Лоран почему-то мгновенно потеплели уши, хотя в комнате работал кондиционер.

Она отставила кружку на стол и невольно посмотрела на куртку.

Позавчера в темноте переулка, сквозь слезы и удушье, она даже не пыталась сопоставить его лицо с обложками журналов — для нее он был просто высоким, опасным и странно спокойным мужчиной с низким хриплым голосом, который дал ей воды и не позволил упасть.

Но вчера утром, когда она в миллионный раз прокручивала в памяти каждую секунду той ночи и вспомнила контур черной татуировки у его распахнутого ворота и тембр голоса, до нее наконец дошло, с кем именно она делила ступеньку черного хода.

— Нолан Кросс, — тихо сказала Лоран.

Стелла замерла с чашкой кофе на полпути ко рту, а затем медленно опустила ее на стол:

— Тот самый Кросс? Солист *Black Horizon*, который в прошлом году послал совет директоров «Грэмми» в прямом эфире и разнес бар в Лондоне?

— На лестнице он ничего не разносил, — неожиданно для самой себя защитила его Лоран. — Кроме собственной руки о стену до моего прихода. Он просто... помог мне расстегнуть колье, принес воды и сидел рядом, пока я не начала нормально дышать. И никому ничего не рассказал. Если бы он хотел хайпа или денег, вчера утром во всех газетах уже было бы интервью о том, как он откачивал сумасшедшую Лоран Вейл у мусорных баков.

Стелла смотрела на подругу долгим, пристальным взглядом, от которого Лоран стало не по себе.

— И чего ты так покраснела, Вейл? — подозрительно спросила она.

— Я не покраснела! Мне жарко после ринга! — Лоран вскочила с кресла, подходя к вешалке и зачем-то проводя пальцами по прохладной, шершавой коже рукава его куртки. От ткани до сих пор едва уловимо пахло терпким кедром, ночным ветром и дымом. — Просто... это было странно, понимаешь? В зале сидели пятьсот человек, которые клялись мне в любви со сцены, мои родители, моя лучшая подруга — и мне не с кем было даже вдохнуть. А на грязной лестнице совершенно чужой человек, которого пресса считает главным плохим парнем индустрии, посмотрел на меня так, будто я имею полное право бояться и плакать, и не потребовал ничего взамен.

Стелла поднялась из-за стола, подошла к ней и положила тяжелую ладонь на плечо Лоран:

— Иногда чужие оказываются чище своих, Лоран. Если пересечешься с ним на четверговом балу в музее — вернешь куртку и скажешь спасибо. Но голову не теряй: парни из его мира сами живут на пороховой бочке, а у нас сейчас своей войны выше крыши.

Она открыла железный ящик и достала оттуда выключенный телефон Лоран:

— Держи. Включать разрешаю на десять минут в день — только для связи с агентом и со мной. Завтра вечером едешь к родителям на ужин, слушаешь, что они от тебя хотят, и помнишь главное правило ринга: ноги на ширине плеч, дыхание в живот, и ни одна тварь больше не загоняет тебя в угол без сдачи. Поняла?

Лоран взяла холодный телефон, посмотрела на свое отражение в темном стекле экрана — с раскрасневшимися после боя скулами, прямой спиной и новым, твердым блеском в глазах — и сжала кулак, ощущая приятную боль в сбитых на лапах костяшках.

— Поняла, тренер, — тихо ответила она.

Глава 4. Железный ошейник лейбла

К полудню разбитая рука распухла так, что Нолан не мог даже нормально щелкнуть колесиком зажигалки.

Он сидел на краю нерасправленной кровати в своем номере отеля *Chateau Marmont*, в одних черных джинсах, с обнаженным, исчерченным татуировками торсом, и с мрачным раздражением смотрел на собственный правый кулак.

Вчерашняя встреча со штукатуркой и бетоном в VIP-гримерке театра «Долби» прошла для стены почти без последствий — если не считать бурого пятна на обоях, прямо в паре сантиметров от того места, где секундой раньше находилась холеная голова его продюсера Джакса Рейна. А вот костяшки указательного и среднего пальцев Нолана теперь напоминали сырой бифштекс, вокруг которого расползался сине-лиловый отек.

Он зажал незажженную сигарету в углу рта, перехватил тяжелый серебряный *Zippo*левой рукой, высек огонь и глубоко затянулся, глядя сквозь сизую струйку дыма на залитый калифорнийским солнцем бульвар Сансет за террасой.

Голова после трех часов рваного сна и полбутылки односолодового виски гудела как трансформаторная будка.

Но странное дело: стоило ему ночью закрыть глаза, и в памяти всплывала вовсе не вчерашняя грызня с Джаксом, который перед выходом Нолана на сцену оскаровского афтепати снова попытался навязать ему контрактный выход под ручку с топ-моделью Бьянкой Лоуренс.

Вместо этого перед глазами стояла грязная железная ступенька пожарной лестницы.

И женщина в белом кутюрном шелке.

Босая. С бриллиантовой змеей за два миллиона долларов, зажатой в побелевшем кулаке, с растрепанными темными локонами и такими огромными, полными немого животного ужаса глазами, что у Нолана — человека, который за десять лет на вершине рок-индустрии видел все виды человеческого распада и фальши, — до сих пор неприятно тянуло где-то под ребрами.

Лоран Вейл.

Вчера в зале, когда она поднялась на сцену за своим «Оскаром», он смотрел на нее из ложи вполуха, лениво цедя виски: очередная золотая принцесса Беверли-Хиллз, выращенная в инкубаторе знаменитых родителей, с безупречной осанкой и заученной улыбкой.

А через полчаса эта принцесса сидела перед ним на бетоне в его кожаной куртке, задыхалась так, будто ей на грудь положили гранитную плиту, пила воду из его рук и, придя в себя, первым делом попыталась отчитать его за разбитые костяшки и сигаретный дым.

«Поздравляю, Вейл. Кажется, мы оба сегодня отлично провели вечер».

Нолан криво усмехнулся, стряхивая пепел в пустой стакан из-под бурбона на тумбочке.

Ее запах — какие-то безумно дорогие белые цветы, перемешавшиеся с солью слез и холодным ночным воздухом, — до сих пор въелся в подкладку его любимой байкерской куртки, висевшей на спинке стула. Утром он зачем-то провел пальцами по этому кожаному воротнику, прежде чем пойти в душ, и тут же мысленно послал себя к черту за сентиментальность.

В дверь номера требовательно постучали — три коротких удара, за которыми без всякого ожидания ответа последовал щелчок открываемого электронной ключ-картой замка.

В спальню, неся в одной руке крафтовый пакет из деликатесной лавки, а в другой — картонный поднос со стаканами черного кофе, ввалился Маркус Торн.

Двухметровый барабанщик в серой футболке без рукавов, открывавшей забитые татуировками плечи, и темных очках окинул взглядом затянутую дымом комнату, пустую бутылку и полуголого друга на кровати:

— Живой. А я уж надеялся забрать твой винтажный «Гибсон» пятьдесят девятого года по праву наследования.

— Размечтался, — хрипло отозвался Нолан, забирая у него стакан с двойным американо. — Откуда у тебя ключ от моего номера, Торн?

— Улыбнулся горничной на этаже, — Маркус бросил пакет с сэндвичами ему на колени, стянул очки и внимательно уставился на правую руку Нолана. Ухмылка мгновенно сошла с его лица. — Блядь, Нолан. Ты ее вообще спиртом заливал после вчерашнего или решил дождаться гангрены, чтобы не играть весенний тур?

— Заживет. Кость цела.

— Это мы проверим у травматолога через два часа, — отрезал Маркус, падая в глубокое велюровое кресло напротив кровати и закидывая длинные ноги в армейских ботинках на журнальный столик. — А через сорок минут у нас с тобой сольный концерт в логове Джакса. Он оборвал мне телефон с восьми утра. Грозится подать на тебя в арбитраж лейбла за вчерашний срыв промо-протокола на банкете.

Нолан сделал глоток обжигающего кофе и поморщился:

— Пусть подает. Я ему вчера популярно объяснил: я музыкант, а не эскорт-услуга для его рекламных контрактов с Бьянкой.

Маркус посмотрел на него поверх стакана с понимающим прищуром:

— Кстати о вчерашнем вечере. Та девчонка на пожарной лестнице, которую забрала грозная брюнетка со шрамом... Это же была Лоран Вейл, да?

Нолан медленно поднял взгляд на друга:

— Допустим. И что?

— То, что ты просидел с ней на ступеньках сорок минут, отдал свою куртку и вернулся в номер с таким лицом, будто тебе по башке дали пыльным мешком, — хмыкнул Маркус, но уже через секунду его тон стал серьезным. Он вытащил из кармана джинсов смартфон и бросил на одеяло рядом с бедром Нолана. — Ты с утра в сеть еще не заходил? Полюбуйся, что с ней сделали ваши общие друзья из светской хроники.

Нолан нахмурился, отложил сигарету и взял телефон друга.

С экрана на него смотрел зацикленный одиннадцатисекундный видеоролик, снятый кем-то из-за колонны в банкетном зале театра «Долби».

Нолан узнал каждую деталь мгновенно.

Белое платье с открытой спиной. Та самая затравленная, судорожная попытка вырвать свое запястье из рук светловолосой девицы в золотом, которая удерживала ее под прицелом камеры с фальшиво-заботливым лицом. Резкий шаг к черному выходу — ровно за минуту до того, как Лоран вывалилась на его пожарную лестницу, сдирая с шеи бриллиантовое колье, чтобы не задохнуться.

А под видео — миллионы просмотров и бесконечно обновляющаяся лента комментариев под жирной черной плашкой тренда #NepoWhore.

«Обдолбалась коксом в туалете и устроила истерику на глазах у всех!»

«Когда папочка купил тебе Оскар, а играть приличного человека в обществе не научил!»

«Посмотрите на ее бешеные глаза, по ней психушка плачет! Вышвырнуть из профессии!»

Нолан смотрел на экран секунд десять.

В комнате стало очень тихо. Маркус видел, как под кожей на скулах друга медленно, тяжело перекатились желваки, а пальцы левой руки сжали корпус смартфона с такой силой, что защитное стекло едва не дало трещину.

Он вспомнил, как она вчера дрожала на холодном ветру. Как зажимала рот ладонью, чтобы никто не услышал ее рваных, мучительных вдохов. Как беззащитно и прямо посмотрела на него снизу вверх, когда дыхание наконец выровнялось.

У нее была тяжелейшая паническая атака в том проклятом зале.

А эта стая гиен в смокингах сняла чужую боль исподтишка и теперь сладострастно рвала ее на куски на весь мир.

— Кто слил ролик первым? — тихо спросил Нолан, возвращая телефон Маркусу.

— Какой-то желтый паблик из сетки медиахолдинга, который спонсирует наш лейбл, — ответил Торн, внимательно наблюдая за лицом друга. — И, брат... я знаю этот твой взгляд. Не вздумай сейчас звонить редакторам или писать опровержения со своего аккаунта. Если ты впишешься за нее публично и скажешь, что был с ней ночью на лестнице — таблоиды смешают ее с дерьмом еще сильнее, решат, что она сбежала из зала трахаться с тобой.

Нолан ничего не ответил.

Он поднялся с кровати, подошел к стулу, взял чистую черную рубашку и начал натягивать ее на плечи, с трудом продевая распухшую правую кисть в рукав.

— Едем к Джаксу, — коротко бросил он. — Не хочу заставлять нашего дорогого продюсера нервничать в одиночестве.

Штаб-квартира *Apex Records*занимала четыре верхних этажа стеклянного небоскреба на бульваре Сенчури-парк и пахла деньгами, страхом и дорогим кофе на миндальном молоке.

Когда Нолан и Маркус вышли из скоростного лифта на последнем этаже и пошли по длинному коридору к главному конференц-залу, сотрудники в дизайнерских очках буквально вжимались в стены, провожая их взглядами.

Вдоль стеклянных перегородок висели золотые и платиновые диски в рамках под подсветкой.

Половина этой стены была заработана кровью, потом и сорванными на стадионах связками Нолана Кросса и группы Маркуса за последние семь лет. Именно их туры оплачивали эти панорамные окна, кожаные кресла и бонусы совета директоров — и тем не менее каждый раз, попадая сюда, Нолан чувствовал себя не хозяином положения, а породистым зверем, которого привели взвешивать на скотобойню.

Он толкнул массивную стеклянную дверь переговорной, не утруждая себя стуком.

За длинным овальным столом из белого мрамора уже сидели трое.

Во главе стола, в безупречном синем костюме-тройке и с золотыми часами *Rolex*на запястье, восседал сорокалетний глава лейбла и личный продюсер Нолана — Джакс Рейн. На его гладком, холеном лице с вечным калифорнийским загаром застыла маска холодного раздражения.

Слева от него сидела директор по глобальному маркетингу Клэр, справа — главный корпоративный юрист холдинга с разложенной папкой контрактов.

А у панорамного окна, закинув бесконечную загорелую ногу на ногу в коротком белом платье от *Chanel*и откровенно скучая в экране своего телефона, сидела Бьянка Лоуренс.

Увидев входящего Нолана в расстегнутой на груди черной рубашке, темных очках и с распухшим, сбитым в кровь правым кулаком без всякой повязки, Бьянка приподняла идеальную бровь и чуть заметно усмехнулась ему уголком губ — без злобы, как товарищ по несчастью.

— Ты опоздал на пятнадцать минут, Нолан, — ледяным тоном начал Джакс, даже не предлагая им сесть. — И я вижу, что твои манеры со вчерашнего вечера лучше не стали.

Нолан небрежно выдвинул кожаное кресло напротив продюсера, упал в него, закинув ногу на колено, и снял темные очки, бросив их на стол. Маркус устроился рядом, скрестив татуированные руки на груди.

— Будем считать, что эти пятнадцать минут ты потратил на молитву о том, чтобы я сегодня промахнулся так же, как вчера в гримерке, Джакс, — спокойно ответил Нолан. — Переходи к делу. У меня в два часа студия.

На щеках Рейна проступили красные пятна при воспоминании о том, как вчера ночью кулак Нолана пробил стену в сантиметре от его виска, но при юристе и Бьянке он сдержался, только сжал пальцы на столешнице:

— В студию ты сегодня не поедешь, пока мы не закроем два вопроса. Первый — твой новый альбом. Три демо-трека, которые вы с Торном прислали на прошлой неделе, не годятся для заглавного сингла. Они слишком мрачные, слишком перегруженные и абсолютно не подходят под летнюю рекламную кампанию сотового оператора, с которым мы подписали спонсорский контракт на десять миллионов.

— Я пишу рок-альбом, Джакс, а не джинглы для продажи тарифов домохозяйкам, — процедил Нолан. — Музыка останется такой, какой я ее написал. Не нравится — ищи другого клоуна.

— Твоя музыка, Нолан, по контракту двадцать первого года должна приносить прибыль акционерам лейбла! — вмешался юрист, поправляя очки и открывая папку с закладками. — У компании есть право вето на финальный трек-лист, если материал признан коммерчески нецелесообразным.

Нолан медленно повернул голову к юристу, и тот невольно замолчал под этим тяжелым, темным взглядом.

Затем заговорил снова Джакс, нажимая кнопку пульта.

На огромном экране позади него высветился медиаплан на ближайший месяц и совместные фотографии Нолана и Бьянки с прошлогоднего фестиваля в Коачелле.

— И это подводит нас ко второму, главному вопросу, — жестко отчеканил продюсер. — Твой имидж. После твоих прошлогодних выходок с разгромом отеля и посыланием журналистов в прямом эфире спонсоры тура требуют стабильности. Им нужна красивая, глянцевая история о том, что бунтарь Нолан Кросс остепенился рядом с супермоделью мирового уровня.

Бьянка у окна тихо вздохнула, закатив глаза к потолку:

— Джакс, мы с Ноланом расстались полтора года назад, и даже моя мама уже не верит в эти статьи.

— Мне плевать, во что верит твоя мама, Бьянка, пока агентству за это платят! — рявкнул на нее Рейн и снова повернулся к Нолану. — Вчера на банкете «Оскара» ты должен был выйти к прессе с Бьянкой. Вместо этого ты устроил мне сцену в гримерке, разбил кулак и исчез на час неизвестно куда!

При словах «исчез на час» Джакс внимательно, прищурившись, посмотрел на лицо Нолана — пока он явно ничего не знал про пожарную лестницу и Лоран Вейл, но чутье падальщика подсказывало ему, что артист выходит из-под контроля.

— Так вот, — Джакс ударил ладонью по столу. — В этот четверг вечером в Музее искусств LACMA проходит главный благотворительный гала-ужин и аукцион сезона. Там будут все ключевые инвесторы нашего холдинга, включая Джулиана Вэнса, который рассматривает покупку пакета акций *Apex Records*. Ты приедешь туда в смокинге. Под руку с Бьянкой. Вы проведете весь вечер за одним столом, поулыбаетесь камерам, а на следующей неделе мы запустим слух о вашей скорой помолвке перед стартом продаж билетов на тур!

В переговорной повисла тяжелая тишина.

Нолан сидел неподвижно, глядя на экран, где красовалось его собственное отретушированное фото рядом с Бьянкой.

Всю свою жизнь в этом бизнесе он шел на мелкие уступки ради главного — возможности выходить на сцену и играть свою музыку. Сначала соглашался на интервью, от которых его тошнило. Потом — на постановочные фотографии с Бьянкой, с которой у них полтора года назад действительно была пара недель ни к чему не обязывающего секса, прежде чем лейбл превратил это в бесконечный сериал.

И с каждым таким шагом железный ошейник на его шее затягивался на одно деление туже.

А вчера ночью на грязной пожарной лестнице он видел, что происходит с человеком, который позволяет надеть на себя этот ошейник до конца. Видел, как красивая, талантливая женщина с золотой статуэткой у ног задыхается от ужаса и одиночества просто потому, что вся ее жизнь принадлежит чужим людям и чужим контрактам.

Нолан медленно перевел взгляд с экрана на лицо Джакса Рейна.

— В четверг в музей LACMA я приеду, — тихо сказал он. — Потому что обещал организаторам поддержать детский фонд. И для одного кадра на входе с Бьянкой я, так и быть, постою рядом — только чтобы ты отстал от нее со своими штрафами.

Бьянка у окна благодарно кивнула ему.

— Но слушай меня внимательно, Джакс, — Нолан подался вперед, положив обе руки на белый мрамор стола, и с его разбитой правой костяшки на глянцевый камень упала капля сукровицы. — На этом цирк заканчивается. Никаких ужинов в обнимку. Никаких баек про помолвку. Если твоя пиар-служба выпустит хоть одну строчку о моей личной жизни без моей подписи или ты попытаешься зарезать хоть одну песню из моего нового альбома — я в тот же день созываю пресс-конференцию и в прямом эфире рассказываю, через какие панамские помойки ты крутишь бюджеты наших туров.

Лицо Джакса Рейна пошло багровыми пятнами, а сидевший рядом юрист нервно заерзал на стуле:

— Нолан, это прямой шантаж и нарушение корпоративной этики! По условиям твоего эксклюзивного контракта мы можем заблокировать выпуск твоего альбома на три года и выставить неустойку в двадцать миллионов долларов! У тебя все права на новую музыку завязаны на *Apex Records*!

— Попробуйте, — Нолан поднялся из кресла во весь рост, надевая темные очки, и посмотрел на продюсера сверху вниз с холодной, хищной усмешкой. — Посмотрим, сколько продержатся акции твоего лейбла, когда твой главный хедлайнер пошлет тебя на хрен со сцены перед стадионом. До четверга, господа.

Маркус поднялся следом, с громким стуком задвинул кресло и, подмигнув Бьянке, вышел вслед за другом, оставляя Джакса Рейна шипеть от бессильного бешенства над каплей крови на мраморном столе.

Внизу, на подземном паркинге небоскреба, они остановились у черного внедорожника Маркуса.

Торн привалился плечом к капоту, достал бутылку минеральной воды и протянул другу:

— Ты же понимаешь, брат, что ты только что объявил этому шакалу открытую войну? Джакс тебе этого разговора не простит. Он начнет копать под наши счета и искать любой повод посадить тебя на цепь через суд.

Нолан открутил крышку здоровой рукой, сделал большой глоток воды и посмотрел на свой разбитый кулак.

Странное дело: впервые за много месяцев внутри не было той вязкой, тошнотворной скуки, с которой он просыпался каждое утро в номерах отелей. Наоборот — по венам бежал чистый, злой, бодрящий ток предстоящей схватки.

— Пусть копает, Торн, — спокойно ответил он. — Позвони сегодня вечером тому старому адвокату по авторскому праву, про которого ты говорил в прошлом месяце. Артуру Моррисону. Пусть поднимет наш контракт двадцать первого года и найдет способ вытащить нас из этой помойки раз и навсегда. Мне надоело ходить на поводке.

Маркус внимательно посмотрел на него и медленно, одобрительно улыбнулся:

— Давно пора. А сейчас — живо в клинику зашивать твою лапу, а потом в студию.

Они сели в машину и выехали из прохладного чрева паркинга на ослепительное солнце бульвара.

На перекрестке у Беверли-драйв, пока внедорожник стоял на красном свете светофора, взгляд Нолана случайно зацепился за огромный цифровой билборд на фасаде торгового центра.

Там крутился анонс вечернего выпуска светских новостей: крупный стоп-кадр вчерашнего видео с Лоран Вейл из банкетного зала, ее бледное, искаженное болью и страхом лицо и жирная бегущая строка внизу: «СКАНДАЛ НА ОСКАРЕ: ЛОРАН ВЕЙЛ ТЕРЯЕТ КОНТРОЛЬ? ЭКСПЕРТЫ ОБСУЖДАЮТ ПОВЕДЕНИЕ АКТРИСЫ НА ГАЛА-УЖИНЕ LACMA В ЭТОТ ЧЕТВЕРГ».

Нолан смотрел на этот экран до тех пор, пока сзади не засигналили машины.

Значит, в четверг вечером она тоже будет в музее LACMA.

Под прицелом всех этих стервятников, которые уже точат зубы в ожидании ее следующего падения.

Нолан опустил взгляд на свои сбитые костяшки, вспомнил тихий, срывающийся голос в темноте пожарной лестницы — *«Пожалуйста, не уходите две минуты»*— и вдруг с абсолютной, необъяснимой четкостью понял, что четверга он ждет совсем не ради детского фонда и не ради войны с Джаксом Рейном.

Он просто хотел снова увидеть ее глаза. И проверить, умеет ли она дышать, когда вокруг не темнота подворотни, а ослепительный свет софитов.

Глава 5. Фамильная виселица

В особняке семьи Вейл в Бель-Эйр никогда не пахло человеческой едой.

В детстве, когда Лоран впервые осталась ночевать у одноклассницы из обычной семьи в долине Сан-Фернандо, ее до глубины души потрясло то, что в доме может пахнуть жареным чесноком, томатным соусом и подгоревшим сыром, а на кухне люди могут просто сидеть на табуретках в носках и смеяться, макая хлеб прямо в сковородку.

В доме ее родителей запахи кухни уничтожались промышленными вытяжками задолго до того, как блюда на серебряных подогревателях попадали в малую столовую. Здесь всегда пахло только тремя вещами: французским пчелиным воском для антикварного паркета, свежими белыми лилиями, которые флористы меняли каждое утро вторника и пятницы, и холодным альдегидным шлейфом духов *Chanel 22*, которыми пользовалась Элеонора Вейл.

Запах музея, где экспонатам строго запрещено дышать слишком громко.

Лоран остановилась перед массивными двустворчатыми дверями у входа, передавая свое кашемировое пальто тихой пожилой домработнице Розе — единственному человеку под этой крышей, который за двадцать шесть лет ни разу не посмотрел на нее оценивающим взглядом.

— Они уже за столом, мисс Лоран, — едва слышно прошептала Роза, принимая пальто, и в ее карих глазах мелькнула такая неподдельная тревога, будто она провожала девочку не на семейный ужин, а в клетку со львами. — Мисс Хлоя тоже здесь. Приехала за полчаса до вас.

Лоран медленно сняла солнцезащитные очки и убрала их в сумку.

После утренней тренировки со Стеллой приятно, тяжело ныли плечи, пресс и сбитые о боксерские лапы костяшки под кожей. И эта честная физическая боль сейчас работала как якорь, не позволяя привычному ледяному ознобу подступиться к горлу.

Накануне вечером Стелла отобрала у нее телефон, но до этого Лоран успела увидеть достаточно: одиннадцатисекундный ролик с банкета «Оскара» набрал уже тридцать миллионов просмотров, хэштег #NepoWhore возглавлял мировые тренды третьи сутки, а ночные комики в вечерних шоу упражнялись в остроумии над тем, как «золотая наследница слетела с катушек от передозировки собственным величием».

И на фоне этой лавины сегодня утром пришло сухое сообщение от матери: *«Ужин в восемь. Присутствие обязательно. Мы закрываем вопрос с твоим будущим»*.

Лоран расправила складки строгого кремового брючного костюма, сделала медленный вдох животом и толкнула двери в столовую.

Они сидели под огромной хрустальной люстрой за длинным столом из темного полированного ореха на двенадцать персон.

Мать — во главе стола, с идеально прямой спиной, в закрытом шелковом платье цвета воронова крыла и с ниткой крупного южноморского жемчуга на шее. Ни одна серебристая прядка в ее высокой укладке не смела выбиться из лакового панциря.

Слева от нее сидел отец, Ричард Вейл, в домашнем бархатном пиджаке, просматривая биржевые котировки киностудий на экране планшета поверх очков в золотой оправе.

А справа — с видом кроткой, преданной воспитанницы пансиона, приглашенной за стол к директрисе, — устроилась Хлоя в нежно-розовом кардигане.

Место напротив матери, в трех метрах холодного полированного дерева, пустовало, как скамья подсудимых.

— Ты опоздала на четыре минуты, Лоран, — не поднимая глаз от бокала с белым сухим вином, произнесла Элеонора.

— На бульваре Сансет была авария, — ровно ответила Лоран.

Хлоя тут же вскочила со стула с распростертыми объятиями и трагически сдвинутыми бровями:

— Лори, малыш! Как ты? Мы тут места себе не находим!

Она прижалась щекой к щеке Лоран, обдав ее сладким облаком ванильного парфюма, но Лоран не подняла рук в ответ — только простояла секунду прямо, ожидая, пока подруга отстранится.

Перед глазами слишком четко стояли белые туфли от *Louboutin*на кафеле туалета театра «Долби» и заискивающий голосок Хлои перед чужими людьми: *«На сцене она актриса... Бедная девочка, совсем не справляется»*.

Хлоя почувствовала ее холодность мгновенно — чуть заметно смутилась и быстро вернулась на свое место, бросив быстрый, почти виноватый взгляд на Элеонору, словно отчитывалась: *я пыталась*.

Отец отложил планшет, снял очки и тяжело вздохнул, жестом указывая дочери на стул:

— Садись, Лоран. Роза, подавай горячее и оставь нас. Кофе не нужно.

Когда за домработницей закрылась дверь и они остались вчетвером над тарелками с сибасом на пару, к которому никто даже не думал прикасаться, Элеонора Вейл медленно подняла взгляд на дочь.

Глаза у матери были светло-серыми, холодными и немигающими — теми самыми глазами, от которых на съемочных площадках в девяностые годы заикались стажеры и плакали в гримерках молодые актрисы.

— Надеюсь, за трое суток, пока ты пряталась от семьи у своей сомнительной приятельницы из спортзала, ты успела насладиться плодами своего поведения на банкете? — голос матери звучал тихо, почти мелодично, но каждое слово падало на стол как кусок сухого льда. — Три месяца работы двадцати лучших пиарщиков города. Пятьсот тысяч долларов, которые Ричард вложил в твою оскаровскую кампанию. И ты перечеркиваешь всё это за одиннадцать секунд истерической выходки перед камерами, как дешевая старлетка из реалити-шоу.

Лоран сидела прямо, положив руки на колени под скатертью, чтобы никто не видел, как она сжимает ткань брюк.

— У меня была паническая атака, мама, — спокойно сказала она. — Я задыхалась и пыталась выйти на воздух. Хлоя схватила меня за руку, когда я просила меня не трогать.

За столом Хлоя судорожно вздохнула и прижала пальцы к губам:

— Лори, но я же правда хотела помочь тебе дойти до комнаты отдыха! Разве я знала, что этот официант у колонны снимает нас на телефон?!

— Паническая атака, — с брезгливой гримасой передразнила Элеонора, словно произнесла название венерической болезни. — Какое удобное современное словечко для распущенности и отсутствия самодисциплины. Когда я в восемьдесят девятом году получала свой первый «Оскар» с температурой тридцать девять и двусторонней пневмонией, я отстояла четыре часа на приеме губернатора, улыбалась каждому репортеру и позволила увезти себя в больницу только в пять утра через гараж. Потому что фамилия Вейл означает безупречность. А ты умудрилась превратить главный триумф своей жизни в уличную комедию, после которой тебя полощут в интернете самым грязным словом, какое только можно придумать!

От упоминания хэштега #NepoWhore из уст собственной матери у Лоран внутри все обожгло такой острой, соленой горечью, что пересохло во рту.

Ни вопроса, как она спала эти ночи.

Ни слова возмущения в адрес тех подонков, которые рисовали порнографические коллажи с лицом ее дочери.

Для Элеоноры Вейл единственным преступлением в этой истории было то, что Лоран посмела выглядеть некрасиво на видео и испортила семейный фасад.

— Довольно о прошлом, Элеонора, — вмешался отец, постучав костяшками пальцев по столу с видом миротворца, который переходит к конструктивной части казни. Он потянулся к соседнему свободному стулу, взял оттуда толстую кожаную папку темно-синего цвета с золотым тиснением медиакорпорации *Titan Studios*и положил ее перед Лоран прямо рядом с тарелкой. — Ущерб нанесен колоссальный, но ситуацию еще можно развернуть в нашу пользу, если действовать быстро и жестко.

Лоран опустила взгляд на папку, не прикасаясь к ней:

— Что это?

— Это твой спасательный круг, дочка, — веско произнес Ричард Вейл. — Окончательный чистовой контракт на главную женскую роль во франшизе «Империя пепла». Четыре фильма на ближайшие семь лет с опционом на спин-офф. Сегодня днем я лично три часа убеждал совет директоров студии и наших финансовых партнеров из фонда Джулиана Вэнса не отзывать предложение из-за твоего скандала в сети.

У Лоран внутри мгновенно натянулась холодная струна.

Она читала сценарий «Империи пепла» месяц назад.

Четырехсотмиллионный коммерческий блокбастер по мотивам подростковых комиксов, где ее героиня — принцесса в обтягивающем серебристом латексе с декольте до пупка — все два часа экранного времени красиво бегает на каблуках за главным героем, произносит двадцать пафосных фраз уровня «ты должен спасти наш мир» и служит рекламной витриной для продажи пластиковых кукол и газировки.

Но гораздо страшнее сценария были юридические условия таких студийных контрактов.

Лоран открыла папку и перелистнула на страницу с графиком занятости и моральной оговоркой.

Семь лет полного рабства.

По условиям договора актриса не имела права без письменного разрешения студии менять цвет и длину волос, набирать или сбрасывать больше двух килограммов веса, сниматься в любом независимом кино или играть в театре в перерывах между съемками частей, а также обязывалась участвовать во всех протокольных мероприятиях, ток-шоу и светских выходах, утвержденных департаментом маркетинга и компанией ее отца *Vail Entertainment*.

— Я сказала своему агенту две недели назад, что отказываюсь от этого проекта, папа, — тихо, но четко сказала Лоран, захлопывая папку. — Это пустышка. Там нечего играть. Я только что получила «Оскар» за серьезную драматическую роль не для того, чтобы на семь лет надеть резиновый костюм и рекламировать бургеры.

Мать за столом издала короткий, сухой смешок, похожий на кашель:

— Серьезную драматическую роль! Ты посмотри на нее, Ричард, у нашей девочки прорезались творческие амбиции! Твою «Тихую воду» посмотрели три калеки на фестивале в Сандэнсе, а кассу фильму сделала только наша фамилия на афише и деньги, которые отец влил в дистрибуцию!

— Я работала на тех съемках по шестнадцать часов в сутки в ледяной воде, мама! — голос Лоран впервые за вечер дрогнул от прорвавшейся боли. — Элиас Мор выбрал меня из трехсот претенденток на слепых пробах, где я даже фамилию свою не называла!

— И чего стоят твои пробы сегодня, когда под каждым твоим фото в сети по сто тысяч плевков, а независимые продюсеры боятся связываться с твоей нестабильной психикой?! — жестко отрезал отец, сбрасывая маску добродушного папочки и ударяя ладонью по синей папке. — Сними розовые очки, Лоран! После твоего демарша на «Оскаре» твой рыночный рейтинг рухнул в подвал! Единственная причина, по которой *Titan Studios*и Джулиан Вэнс все еще готовы дать тебе этот контракт на двадцать пять миллионов долларов — это мои личные гарантии, что ты возьмешься за ум, подпишешь бумаги сегодня вечером и завтра на благотво-

рительном балу в LACMA будешь сидеть рядом с Вэнсом, мило улыбаться и демонстрировать прессе полное исцеление!

Хлоя тут же подалась вперед через стол, заглядывая Лоран в глаза с самым искренним, горячим участием:

— Лори, ну правда, подумай сама! Двадцать пять миллионов и гарантированная работа до тридцати трех лет! Любая актриса в Голливуде убила бы за такое предложение! А драму свою ты еще успеешь сыграть, когда все забудут этот дурацкий ролик в интернете. Твои родители же спасают твою карьеру!

Лоран медленно перевела взгляд с отца на мать, затем на румяное, угодливое лицо Хлои.

В столовой пахло мертвыми белыми лилиями.

Над тарелками висел холодный свет хрусталя.

И вдруг Лоран с абсолютной, леденящей душу ясностью увидела всю картину целиком.

Им не нужно было спасать ее карьеру.

Им нужно было загнать ее обратно в стойло — именно сейчас, пока она раздавлена интернет-травлей и чувством вины, пока она уязвима и напугана. Приковать семилетним кабальным контрактом, где двадцать процентов комиссионных отойдут компании отца, где за каждый ее шаг и каждое слово в интервью будет отвечать пиар-служба матери, а сама Лоран до тридцати трех лет превратится в послушную, безголосую куклу, которую возят по премьерам и усаживают за столы к нужным спонсорам вроде Вэнса.

В ушах вдруг прозвучали два совершенно разных голоса, которые она слышала за последние дни.

Сначала — низкий, прокуренный баритон незнакомца с разбитыми костяшками на ночной пожарной лестнице: *«Я побуду здесь две минуты. Ты мне не мешаешь»*.

А следом — резкий, как выстрел, приказ Стеллы на пропотевшем боксерском ринге: *«Либо ты бьешь первой, Вейл, либо они тебя сожрут. Перестань ждать разрешения выйти из угла!»*

Лоран положила обе ладони на край синей папки и медленно, одним движением отодвинула ее через полированный стол обратно к отцу.

— Нет, — сказала она.

В столовой стало так тихо, что было слышно, как за окном в саду щелкает автоматический распылитель воды на газоне.

Ричард Вейл медленно побагровел:

— Что ты сказала?

— Я сказала «нет», папа, — голос Лоран звучал негромко, но удивительно чисто и ровно. — Я не буду подписывать контракт на «Империю пепла». Я не буду семь лет играть пластиковую куклу ради ваших отношений с банками. И любую следующую роль я буду выбирать со своим собственным независимым юристом и агентом, а не за этим столом.

Хлоя замерла с открытым ртом, переводя испуганный взгляд на хозяйку дома.

Элеонора Вейл не кричала.

Она медленно отложила серебряную вилку на край фарфоровой тарелки — металл тонко звякнул о костяной край, — промокнула губы накрахмаленной салфеткой и поднялась из-за стола во весь рост.

Обойдя стол неспешным, величественным шагом королевы, она остановилась прямо рядом со стулом Лоран, глядя на дочь сверху вниз.

— Независимым юристом, — тихо повторила мать. — Своим собственным агентом. Какая восхитительная неблагодарность.

Лоран не хотела сидеть, пока над ней нависают, как над провинившейся школьницей. Она тоже поднялась со стула, отодвинув его назад, и встала лицом к лицу с матерью — они были одного роста, только в глазах Лоран больше не было прежней мольбы о прощении.

— Я двадцать шесть лет делала всё, что ты мне приказывала, мама, — твердо сказала Лоран. — Я одевалась так, как ты хотела. Я бросила музыку, потому что ты сказала, что это позор. Я улыбалась людям, от которых меня тошнило, и задыхалась по ночам, чтобы не испортить тебе настроение. Хватит. Моя карьера и моя жизнь принадлежат мне.

Лицо Элеоноры Вейл в одно мгновение потеряло весь свой аристократический глянец, исказившись такой мелкой, уродливой, ядовитой злобой, какую Лоран видела у нее только за закрытыми дверями в детстве.

— Твоя карьера?! — прошипела мать ей прямо в лицо. — Да кто ты такая без нас, ничтожество?! Ты — бледная тень моего имени! В тебе нет ни капли моей породы, ни капли моей силы! Мы с отцом вылепили тебя из пустого места, купили тебе лучшие школы, привели за руку в кино, выбили тебе этот чертов «Оскар», который ты даже удержать в руках не смогла, не обгадив нам весь вечер своими дешевыми соплями!

Каждое слово било точно в самые больные, кровоточащие точки, которые мать знала наизусть, потому что сама же их и создала.

— Я получила эту награду за свою работу, а не за твою фамилию! — выкрикнула Лоран, чувствуя, как к горлу подступает горячий ком, а кулаки сжимаются сами собой. — И меня тошнит от того, что в этом доме меня любят только тогда, когда меня можно выгодно продать спонсорам!

— Замолчи! — глаза Элеоноры сверкнули бешенством. — Как ты смеешь открывать свой рот на мать, неблагодарная дрянь?!

И прежде чем Лоран успела хотя бы моргнуть, правая рука матери с тяжелым платиновым перстнем с бриллиантом в три карата взметнулась в воздух и со всего размаху, наотмашь ударила ее по лицу.

Звук пощечины — хлесткий, сухой, оглушительный — разорвал тишину столовой, как удар бича.

Голову Лоран резко мотнуло в сторону; острая грань материнского перстня рассекла нежную кожу у уголка нижней губы, и во рту мгновенно разлился густой, горячий, солоновато-металлический вкус крови. В левом ухе зазвенело.

Хлоя за столом тонко вскрикнула, закрывая рот ладонями.

Лоран застыла в полуобороте, глядя на паркет.

Левая щека горела так, будто к ней приложили раскаленный утюг. С губы на белый лацкан ее кремового жакета упала одна ярко-алая капля.

Но страшнее физического удара было то, что произошло в следующие пять секунд.

Она медленно, очень медленно повернула голову обратно. Не подняла руку к разбитой губе. Не заплакала.

Просто посмотрела сначала на мать, которая стояла перед ней, тяжело дыша и поправляя сбившийся на запястье браслет, и холодно бросила:

— Не вынуждай меня приводить тебя в чувство единственным способом, который ты понимаешь.

Затем Лоран перевела взгляд на отца.

Ричард Вейл сидел в своем кресле, отведя глаза в сторону окна, и нервно постукивал пальцами по папке с контрактом:

— Элеонора погорячилась, Лоран, но ты сама довела мать до крайности своим хамством. Сядь за стол, возьми салфетку и давай закончим разговор как взрослые люди.

И наконец Лоран посмотрела на Хлою — свою лучшую подругу, с которой делила кусок хлеба с пятнадцати лет.

Хлоя встретила ее взгляд — и торопливо опустила глаза в свою тарелку с остывшей рыбой, пробормотав едва слышно:

— Лори, ну правда, извинись перед мамой, вы обе просто на нервах...

И в эту секунду внутри Лоран Вейл что-то умерло навсегда.

Тихо, без агонии и без крика.

Она стояла посреди этого великолепного склепа с хрустальной люстрой, с разбитой в кровь губой и пылающей щекой, смотрела на троих самых близких людей в своей жизни — и понимала, что в этой комнате у нее нет ни матери, ни отца, ни подруги.

Здесь были только надзиратели и конвой, которые обсуждали, насколько вежливо она должна улыбаться, когда ее бьют по лицу.

Лоран спокойно взяла со спинки стула свою сумку.

— Завтра вечером на балу в LACMA я буду, папа, — ее голос прозвучал так тихо и ледяно, что даже Элеонора невольно вздрогнула от этой незнакомой интонации. — Потому что я обещала это детскому фонду, а не вам. Но этот контракт вы можете засунуть в шредер прямо сейчас.

Она развернулась и пошла к выходу из столовой — ровным, твердым шагом, не ускоряясь и не оглядываясь на окрики отца:

— Лоран! Вернись за стол сию же минуту! Если ты сейчас выйдешь за эту дверь, не рассчитывай на нашу защиту, когда пресса сотрет тебя в порошок!

— Я больше ни на что от вас не рассчитываю, — бросила она через плечо уже с порога.

В холле смертельно бледная Роза молча подала ей пальто и протянула чистый батистовый платок. Лоран благодарно сжала морщинистую руку старой женщины, вышла в сырую ночную прохладу Бель-Эйр и села в такси, которое вызвала еще по дороге к воротам.

Только когда кованая решетка родительского поместья скрылась позади за поворотом кипарисовой аллеи, Лоран прижала белый платок к губе, глядя на кровавое пятно на ткани, и достала телефон.

На экране висело новое сообщение от Хлои: *«Мальш, ну зачем ты так хлопаешь дверью? Твоя мама сейчас плачет и пьет капли для сердца, она же просто хочет тебе добра...»*

Лоран не ответила. Она просто закрыла чат, набрала номер Стеллы и сказала в трубку:

— Я еду к тебе. И завтра утром, перед балом в музее, поставь мне двойную тренировку на мешках.

Она еще не знала, что завтра на этом балу ее ждет столкновение с человеком, которому отец сегодня практически пообещал ее в качестве приложения к сделке, — и вторая встреча с мужчиной в черном смокинге, который одним словом перевернет всю их игру вверх дном.

Глава 6. Аукцион плоти

След от материнской пощечины сошел со скулы к утру четверга, оставив на память только крошечную ранку на внутренней стороне нижней губы и холодную, злую пустоту под ребрами.

Лоран провела языком по этому крошечному рубцу, сидя на заднем сиденье черного автомобиля, который медленно полз в пробке по бульвару Уилшир к сияющему огнями комплексу Музея искусств округа Лос-Анджелес.

— Можем развернуться прямо сейчас, — негромко сказала Стелла с соседнего сиденья. На ней был идеально скроенный мужской брючный костюм угольного цвета и черная шелковая водолазка; волосы были стянуты в такой тугой пучок на затылке, что кожа на висках натянулась, резче обозначив тонкий белый шрам под левым глазом. — Организаторам скажем, что у тебя пищевое отравление. Штрафных санкций за пропуск благотворительного бала нет.

Лоран посмотрела в тонированное окно.

Снаружи, вдоль знаменитой инсталляции из двухсот чугунных уличных фонарей *Urban Light*, уже бурлила светская ярмарка. Вспышки камер превращали вечерние сумерки в дергающееся белое марево; дамы в кутюрных шлейфах осторожно переступали через кабели телевизионных бригад, а распорядители в смокингах с гарнитурами в ушах сортировали гостей по степени их банковской капитализации.

Не поехать сегодня на ежегодный гала-ужин LACMA означало ровно одно: признать, что мать вчера вечером сломала ее об колено, а миллион троллей с хэштегом #NepoWhore загнали ее под кровать.

К тому же ее участие в благотворительном аукционе — один классический вальс с победителем торгов в пользу фонда художественных школ для бедных кварталов — было заявлено в программках еще два месяца назад.

— Мы не будем разворачиваться, Стелла, — спокойно ответила Лоран, расправляя складки темно-синего шелка на коленях. — Если я сегодня спрячусь, завтра они решат, что со мной можно делать всё что угодно.

Платье для этого выхода она выбирала сама — впервые без участия материнских стилистов.

Никаких жестких корсетов, в которых невозможно вздохнуть, и никаких чужих бриллиантовых ошейников за два миллиона долларов. Только тяжелый, струящийся как ночная вода полуночно-синий шелк: спереди — глухой, почти целомудренный американский ворот под самое горло, а сзади — головокружительный вырез, обнажающий спину до самой поясницы, и высокий разрез от левого бедра, скользящий по ноге при каждом шаге.

Водитель плавно остановил машину у красной дорожки и открыл дверцу.

Шум толпы и щелканье сотен затворов обрушились на нее мгновенно, как лавина камней.

— Лоран! Сюда, Лоран!

— Мисс Вейл, почему вы без родителей?!

— Это правда, что Академия пересматривает результаты голосования из-за связей вашего отца?!

— Лоран, улыбнитесь, вы сегодня трезвая?!

Вопросы летели в лицо как плевки.

Лоран поставила серебристую босоножку на ковер, выпрямила спину так, как учила Стелла на ринге — макушкой вверх, вес на обеих стопах, дыхание вниз живота, — и прошла тридцать метров фотоколла с холодной, непроницаемой полуулыбкой сфинкса, задержавшись на точке съемки ровно на положенные по протоколу двадцать секунд.

Она уже входила под стеклянные своды музейного павильона, когда у дальней стороны пресс-волла толпа фотографов вдруг взвыла с удвоенной силой, бросаясь к только что подъехавшему черному купе.

Лоран невольно обернулась через голое плечо.

И внутри у нее что-то глухо, неожиданно оборвалось.

В ослепительном свете софитов на ковровой дорожке стоял Нолан Кросс.

Четыре дня назад на грязной пожарной лестнице театра «Долби» он казался ей полуночным призраком в расстегнутой рубашке с окровавленным кулаком и сигаретой в зубах.

Сегодня он выглядел как падший ангел, решивший ради насмешки одеться по правилам высшего общества. Угольно-черный смокинг сидел на его широких плечах и узких бедрах с хищной, безупречной элегантностью; белая сорочка оттеняла смуглую кожу и резкие скулы, темные волосы до плеч были небрежно убраны назад, а из-под белоснежного манжета правой руки выглядывал край тугого медицинского бинта на сбитых костяшках.

Но не его смокинг заставил Лоран замереть у входа в зал.

А то, что на его левом локте, ослепительно улыбаясь камерам и по-хозяйски прижимаясь высокой грудью в серебристом чешуйчатом платье к его плечу, висела длинноногая платиновая блондинка — топ-модель *Victorias Secret*Бьянка Лоуренс. А в двух шагах позади них, довольно потирая руки и раздавая указания репортерам, маячил его продюсер Джакс Рейн, рядом с которым с откровенно скучающим видом возвышался двухметровый барабанщик группы Маркус Торн.

— Нолан, Бьянка! Поцелуйтесь для обложки! Когда свадьба?! — орали фотографы.

Бьянка со смехом повернула голову, намереваясь чмокнуть музыканта в щеку, но Нолан в ту же долю секунды чуть заметно подался назад, уходя от ее губ под предлогом того, что поправляет лацкан пиджака, и его взгляд — тяжелый, холодный, скучающий — скользнул поверх голов репортеров к стеклянным дверям павильона.

Прямо туда, где стояла Лоран.

Их глаза встретились через двадцать метров гудящей толпы.

И Лоран физически почувствовала этот удар — будто воздух между ними мгновенно наэлектризовался.

Скука исчезла с лица Нолана за одну десятую секунды. Его темные зрачки расширились, взгляд намертво приковался к ее лицу, затем медленно, почти осязаемо скользнул вниз по ее обнаженной в полуобороте спине и темно-синему шелку платья, возвращаясь к глазам.

Он не улыбнулся. Только чуть заметно наклонил голову — приветствуя ту самую босую девчонку с пожарной лестницы, о которой, как они оба молчаливо понимали, в этом зале не знал никто, кроме них двоих.

У Лоран предательски потеплели щеки и сбилось дыхание.

Она коротко кивнула в ответ и быстро отвернулась, шагая вглубь зала, и почему-то мысль о белокурой модели на его рукаве уколола где-то под ребрами совершенно нелепой, злой булавкой.

— Так это и есть твой ночной самаритянин с бутылкой воды? — негромко спросила Стелла, проследив за направлением ее взгляда. — Рок-идол с криминальной хроникой и супермоделью под мышкой? Отличный вкус, Вейл. Просто эталон безопасности.

— Он просто дал мне воды и постоял рядом, пока ты ехала, — сухо отрезала Лоран, забирая у официанта бокал минеральной воды со льдом. — И его личная жизнь меня совершенно не касается.

— Именно поэтому ты сейчас чуть стакан в руке не раздавила, — философски заметила Стелла.

В этот момент из-за колонны, увитой живыми белыми орхидеями, к ним выпорхнула Хлоя.

На ней было воздушное платье оттенка шампанского, а на лице — выражение такой преувеличенной, страдальческой нежности, что Лоран невольно отступила на полшага. После вчерашней эсэмэски Хлои с оправданиями матери внутри оставался неприятный, вязкий осадок.

— Лори, слава богу! — Хлоя попыталась обнять ее за плечи, но, наткнувшись на сдержанный кивок подруги и тяжелый, немигающий взгляд Стеллы, быстро опустила руки, теребя ремешок золотистой сумочки. — Ты потрясающе выглядишь, малыш. Я так переживала после вчерашнего вечера у твоих... Твоя мама сегодня утром звонила мне, она просто вне себя, поэтому они с Ричардом решили не приезжать сюда, чтобы не давать прессе лишних поводов.

— Какое благородство с их стороны, — ледяным тоном отозвалась Лоран.

Хлоя виновато закусила губу, но тут же оживилась, бросив быстрый взгляд к центральным столам:

— Слушай, тебя посадили за главный попечительский стол номер три! Я видела рассадку — твоим соседом справа будет сам Джулиан Вэнс! Представляешь? Говорят, его фонд в этом году закрывает половину бюджетов независимого кино в Калифорнии, твой папа мечтал с ним свести мосты. Будь с ним милой, Лори, такой человек может одним словом заткнуть все таблоиды!

Лоран посмотрела на подругу долгим, странным взглядом:

— Я приехала сюда поддержать школьный фонд музея, Хлоя, а не искать себе покровителей за ужином. Увидимся после аукциона.

Банкетный павильон LACMA утопал в приглушенном золотом свете, аромате черных трюфелей и тихом звоне серебра о фарфор.

Стол номер три располагался в самом первом ряду перед круглой сценой и зеркальным пятачком танцпола.

Когда Лоран подошла к своему месту, мужчина, сидевший справа, немедленно поднялся, застегивая пуговицу безупречного серого костюма из кашемира *Brioni*.

Джулиан Вэнс.

Вблизи сорокапятилетний венчурный миллиардер выглядел именно так, как любят снимать в комплиментарных репортажах журнала *Forbes*: холеное, гладко выбритое лицо с легкой благородной сединой на висках, холодные серо-голубые глаза, идеальные белые зубы и платиновые часы *Patek Philippe*на запястье, стоившие как небольшой дом в пригороде.

— Мисс Вейл, — его голос был мягким, вкрадчивым, но когда он взял ее руку для приветственного пожатия, его суховатая ладонь задержала ее пальцы на две секунды дольше приличного, а большой палец с ощутимым нажимом провел по ее костяшкам. — Наконец-то нам удалось познакомиться лично. Весь вечер смотрел на вас у входа и думал, что слухи о вашей хрупкости сильно преувеличены.

Лоран аккуратно, но твердо высвободила руку и села, кивнув Стелле, которая заняла место во втором ряду охраны за ее спиной.

— Слухи вообще редко имеют отношение к реальности, мистер Вэнс.

— Зовите меня Джулиан, — он опустился в кресло рядом с ней, но развернулся вполоборота, практически отсекая ее от сидевшей слева пожилой женщины-куратора музея.

Весь следующий час, пока подавали ужин, к которому Лоран почти не притронулась, Вэнс вел светскую беседу с мастерством опытного паука, плетущего сеть.

Он не говорил комплиментов ее игре в «Тихой воде» — вместо этого он как бы между прочим упоминал названия банков, в которых кредитовалась кинокомпания ее отца, имена главных редакторов издательских домов, сидевших у него на зарплате, и то, как легко в Лос-Анджелесе «неправильное окружение может разрушить карьеру молодой женщины, а правильный друг — вознести ее на недосягаемую высоту».

При этом его взгляд с каждым бокалом коллекционного бургундского становился все более тяжелым и откровенно маслянистым: он не стесняясь скользил по открытой линии ее

плеча, заглядывал в изгиб обнаженной спины, когда она наклонялась за бокалом с водой, и однажды, передавая ей карточку программы аукциона, будто случайно провел ладонью по ее голому колену в разрезе платья под скатертью.

Лоран резко отодвинула стул на десять сантиметров влево, и внутри у нее поднялась холодная волна брезгливости.

Она подняла глаза через зал — туда, где под углом в пятнадцати метрах от них располагался стол музыкального лейбла *Apex Records*.

Нолан сидел вполоборота к сцене, лениво откинувшись на спинку стула и вытянув длинные ноги под столом. К его нетронутой тарелке никто не прикасался; одной левой рукой он медленно крутил за ножку бокал с водой, совершенно игнорируя что-то щебечущую ему на ухо Бьянку и мрачного Джакса Рейна по левую руку.

И смотрел прямо на стол номер три.

Прямо на руку Джулиана Вэнса, лежавшую на спинке стула Лоран в сантиметре от ее голой кожи.

В темных глазах Нолана на таком расстоянии нельзя было прочесть мыслей, но линия его челюсти каменно затвердела, а скулы обозначились так резко, что Лоран вдруг с пугающей ясностью поняла: он видит всё. Каждое движение Вэнса. Каждую ее попытку отодвинуться.

И в этот момент свет над столами погас, оставив только яркие лучи прожекторов на подиуме сцены.

Начался благотворительный аукцион.

Первые сорок минут торгов прошли под веселый гул подвыпивших мультимиллионеров, которые с легкостью спускали сотни тысяч долларов на полотна модных концептуалистов, ужины с мишленовскими поварами и недельные круизы на яхтах по Средиземному морю.

Но когда ведущий вечера в белоснежном смокинге выдержал эффектную паузу, постучал деревянным молотком по кафедре, и на гигантском светодиодном экране позади него вспыхнул черно-белый портрет Лоран Вейл со съемочной площадки «Тихой воды», — в зале наступила совсем другая, хищная тишина.

Для трехсот гостей в этом зале на торги выставляли не благотворительный вальс в пользу детских художественных классов.

На торги выставляли живую мишень главной сплетни недели. Девушку со скандального видео. Дочь династии Вейл, которую каждый сейчас хотел рассмотреть вблизи, потрогать руками на паркете и проверить, не сломается ли она прямо под музыку.

У Лоран похолодело в животе, а пальцы под скатертью сами собой сжались в кулаки.

— Лот номер семь! — торжественно провозгласил ведущий в микрофон. — Единственный в своем роде классический вальс под наш симфонический оркестр с главной триумфаторшей этого киносезона, обладательницей премии «Оскар» — великолепной Лоран Вейл! Стартовая цена лота в пользу детского образовательного фонда — пятьдесят тысяч долларов! Кто начнет?

Распорядитель у сцены направил луч теплого прожектора прямо на их стол.

Лоран по протоколу пришлось подняться со своего места и вежливо улыбнуться залу. Свет ударил в глаза, выхватив ее фигуру в темно-синем шелке из полумрака.

В дальнем углу зала тут же взметнулась вверх табличка с номером:

— Семьдесят пять тысяч!

— Сто тысяч! — выкрикнул седовласый продюсер за соседним столом, масляно улыбаясь Лоран.

— Сто пятьдесят!

— Двести тысяч долларов от джентльмена у оркестра! — азартно подхватил ведущий. — Господа, активнее! Речь идет о будущем юных талантов и трех минутах в объятиях самой обсуждаемой женщины Голливуда! Кто даст двести пятьдесят?

Лоран стояла под лучом прожектора, чувствуя себя породистой кобылой на невольничьем рынке, которую оценивают по статям и свежести зубов. Ей отчаянно хотелось развернуться и выйти вон.

И тут справа от нее раздался спокойный, бархатный, уверенный в своей абсолютной власти голос Джулиана Вэнса.

Он даже не стал вставать со стула — просто небрежно, двумя пальцами приподнял над белой скатертью свою черную табличку с золотой цифрой «1» и произнес достаточно громко, чтобы услышала вся передняя часть зала:

— Один миллион долларов.

По залу прокатился единый, восхищенный вздох, тут же сменившийся жидкими аплодисментами и перешептыванием.

Миллион долларов за трехминутный танец — это уже не была благотворительность. Это была публичная заявка на право собственности от человека, которому в этом городе никто не смел переходить дорогу.

Конкуренты за соседними столами мгновенно опустили свои таблички, понимая, что тягаться с главой *Vance Capital*себе дороже.

Ведущий на сцене просиял, предвкушая быстрый и красивый финал:

— Один миллион долларов от нашего генерального попечителя мистера Джулиана Вэнса! Потрясающая щедрость! Господа, полагаю, эту ставку перебить невозможно... Один миллион — раз!

Джулиан положил табличку на скатерть, повернул голову к стоящей рядом Лоран и посмотрел на нее снизу вверх с холодной, хозяйской полуулыбкой человека, который только что выписал чек в борделе и теперь ждет доставки товара к себе в номер:

— Присаживайтесь, Лоран. Кажется, сегодняшний вечер вы проведете в моей компании. А после вальса мы обсудим дела вашего отца в более тихом месте.

У Лоран внутри все сжалось от такого омерзения, что к горлу подступила тошнота. Еще три секунды удара молотка — и ей придется выйти в центр зала и позволить этому холеному ублюдку прижимать ее к себе под прицелом сотен камер.

— Один миллион — два! — ведущий уже занес деревянный молоток над подставкой для финального удара. — Прода...

— Пять миллионов.

Голос, прозвучавший с противоположной стороны зала, не был громким.

Но его низкий, хрипловатый, пробирающий до позвоночника тембр, который миллионы людей узнавали с первой секунды на любой радиоволне мира, разрезал гул банкетного павильона, как удар бича.

Молоток в руке ведущего застыл в воздухе в сантиметре от дерева.

Три сотни голов синхронно, словно по команде, повернулись налево — к столу номер восемь.

Лоран перестала дышать.

Нолан Кросс сидел, откинувшись на спинку стула, и лениво, одной здоровой левой рукой держал на весу табличку с номером «8».

На его лице не было ни улыбки, ни светского азарта. Он смотрел прямо через зал — не на сцену и даже не на Лоран, а прямо в глаза побелевшему от неожиданности Джулиану Вэнсу, — с таким ледяным, скучающим вызовом, будто только что смахнул миллиардера со стола как хлебную крошку.

За столом самого лейбла разыгралась немая сцена: Бьянка Лоуренс замерла с бокалом шампанского на полпути ко рту, Маркус Торн медленно потер ладонью лицо, пряча широкую ухмылку, а продюсер Джакс Рейн подался вперед через стол, багровея от ярости, и зашипел на весь сектор:

— Кросс, ты спятил?! Опусти табличку, мать твою!

Нолан даже не покосился на него.

— П-пять... миллионов долларов? — голос опытного аукциониста на сцене впервые за вечер дал петуха. — Мистер Кросс, вы подтверждаете ставку в пять миллионов долларов за один танец?!

Нолан наконец перевел свой темный, тяжелый взгляд на застывшую в луче прожектора Лоран — и в глубине его зрачков на долю секунды полыхнуло то самое тихое, надежное пламя с пожарной лестницы: *«Я здесь. Тебе не нужно к нему идти»*.

— Подтверждаю, — ровно бросил Нолан, роняя табличку обратно на скатерть. — Перевод уйдет в фонд завтра утром.

Зал взорвался.

Такого унижения главного спонсора вечера Голливуд не видел десятилетиями. Пять миллионов за три минуты вальса — цена, которая делала любую попытку повысить ставку на сто или двести тысяч жалкой и смешной, а повышать до шести за один танец означало выставить себя полным безумцем перед акционерами собственного фонда.

Лоран опустила взгляд на Джулиана Вэнса.

Холеное лицо миллиардера пошло трупными серыми пятнами. Пальцы, лежавшие на белой скатерти рядом с табличкой «1», сжались в кулак с такой силой, что побелели ногти, а в глазах, устремленных на Нолана Кросса, плескалась такая черная, смертельная ненависть, что воздух вокруг стола, казалось, запах озоном.

— Мистер Вэнс? — осторожно, почти заискивающе спросил с подиума ведущий. — Желаете ли вы ответить на ставку в пять миллионов?

Джулиан выдержал паузу в пять бесконечных секунд, во время которых в зале было слышно, как жужжат моторы телекамер.

Затем он с чудовищным усилием натянул на губы мертвую, ледяную улыбку и громко произнес:

— Благотворительность не должна превращаться в ярмарку тщеславия для людей, которые не умеют считать деньги. Я уступаю лот мистеру Кроссу.

— Пять миллионов — раз! Пять миллионов — два! Продано Нолану Кроссу! — молоток с грохотом опустился на подставку под рев оваций и свист ошалевшей публики.

Но когда Джулиан повернул голову к Лоран, его голос, прозвучавший только для ее ушей под шум аплодисментов, был лишен всякого светского лоска:

— Если ты думаешь, что этот фигляр только что тебя спас, девочка, ты очень плохо знаешь, кто владеет этим городом.

Лоран не ответила ему ни слова.

Потому что между столами, раздвигая на своем пути официантов и застывших с телефонами гостей, прямо к ней уже шел Нолан Кросс.

Без Бьянки. Без охраны. С перебинтованной правой рукой и взглядом человека, который готов был спалить этот музей до фундамента, но вытащить ее из чужих рук.

И когда она шагнула ему навстречу из-за стола, уходя с ним за кулисы перед началом музыки, а в тихом проходе у перегородки она попыталась возмутиться: *«Пять миллионов?! Я не вещь, которую можно перекупить!»*— а он просто посмотрел на нее сверху вниз своими черными, усталыми глазами и тихо ответил:

— Мне не понравилось, как он на тебя смотрел, Лоран. Если не хочешь танцевать со мной — скажи слово, и ты уедешь домой прямо сейчас.

В ту же секунду вся ее защита дала первую, непоправимую трещину.

Она вложила свою ладонь в его горячую руку и сказала:

— Один вальс, Кросс.

А в центре зала для них уже расчищали паркет, и оркестр поднимал смычки над пропастью, в которую они оба шагнули с открытыми глазами.

Глава 7. Вальс над пропастью

Нолан довел ее до самого края паркета и остановился, отпуская ее пальцы ровно на полсекунды — просто чтобы дать ей выбор.

Вокруг них, словно по команде невидимого режиссера, официанты в белых перчатках бесшумно отодвигали круглые столы, расчищая зеркальный круг танцпола в центре музейного зала. Выставочные софиты под потолком приглушили, оставив лишь мягкий янтарный полумрак и два скрещенных луча теплого света, падающих прямо на полированный камень пола.

На них смотрели все.

Три сотни человек в смокингах и кутюрных платьях, заплативших по пятьдесят тысяч долларов за входной билет, замерли со своими бокалами. В первом ряду кто-то уже открыто поднял смартфон на уровень груди, ловя в объектив главную сенсацию вечера: опальную оскароносную актрису с хэштегом #NepoWhore и самого неуправляемого рок-идола десятилетия, который минуту назад выложил пять миллионов долларов за три минуты вальса с ней, публично утерев нос венчурному миллиардеру Джулиану Вэнсу.

У Лоран леденели кончики пальцев, а где-то под лопатками неприятно кололо от сотен чужих, жадных взглядов.

— Если передумала — скажи сейчас, Вейл, — тихо произнес Нолан, стоя в полушаге от нее и глядя сверху вниз. — Скажем организаторам, что ты подвернула ногу. Чек у них уже в кармане, так что детям на автобусы хватит в любом случае.

Лоран посмотрела на него.

В безупречно скроенном черном смокинге, который обтягивал его широкие плечи и узкие бедра, со слегка растрепавшимися темными прядями у висков и белым бинтом, выглядывающим из-под манжеты на сбитых костяшках правой руки, Нолан Кросс выглядел в этом стерильном зале как живой хищник, случайно забредший в музей восковых фигур.

И при этом он снова — как на той проклятой пожарной лестнице — не давил и не требовал от нее отрабатывать уплаченную цену.

От одного этого упрямого благородства внутри Лоран вдруг поднялась горячая, злая волна куража.

С какой стати она должна хромать и прятаться, когда за ее спиной стоит Джулиан Вэнс с перекошенным от бешенства лицом, а в углу у бара зеленеет от злости продюсер Нолана?

— Еще чего, — негромко ответила Лоран, вздернув подбородок и расправляя плечи в темно-синем шелке. — За пять миллионов долларов, Кросс, ты у меня отработаешь каждый такт. Если, конечно, умеешь считать до трех и не оттопчешь мне туфли.

Уголок рта Нолана дрогнул в той самой ленивой, чертовски опасной полуулыбке, от которой у нее мгновенно перехватило дыхание.

— За свои ноги не переживай, Вейл, — он шагнул к ней вплотную, сокращая дистанцию до минимума. — Меня в детстве мать пыталась сдать в бальную школу, чтобы сделать из меня приличного мальчика. Спойлер: приличного не вышло, но вальс я помню.

Оркестр на подиуме взял первые, глубокие, бархатные аккорды виолончели и первой скрипки.

Нолан поднял левую руку, предлагая ей ладонь, а правую — ту самую, с перебинтованными костяшками — занес над ее талией и на секунду замер в воздухе, глядя ей прямо в глаза.

Платье Лоран сзади было открыто почти до самой поясницы.

— Сюда можно? — едва слышно спросил он.

Вместо ответа Лоран сама сделала полшага вперед, вкладывая свою тонкую кисть в его горячую, широкую ладонь, а вторую руку положила ему на плечо, прямо на плотную шерсть смокинга у шеи.

И в ту же секунду его правая рука легла на ее обнаженную спину.

Лоран стоило огромных актерских усилий не вздрогнуть у всех на глазах.

Контраст оказался оглушительным: прохладный воздух кондиционированного зала, шершавая сухая марля бинта на его костяшках — и обжигающая, твердая, как раскаленный камень, ладонь и пальцы, которые легли прямо на ее голую кожу чуть выше прогиба поясницы. От места прикосновения вверх по позвоночнику до самого затылка мгновенно разбежались тысячи мелких электрических иголок.

От него на расстоянии десяти сантиметров шло густое, дурманящее тепло и запах: терпкий кедр, табачный дым, дорогой виски и чистая мужская кожа.

— Дыши, Вейл, — тихо сказал Нолан, заметив, как расширились ее зрачки, и мягко, но властно повел ее в первый поворот.

На первом же такте Лоран по старой голливудской привычке — когда на съемках приходится контролировать и свое положение в кадре, и бестолкового партнера — попыталась сама задать угол разворота плечом.

Пальцы Нолана на ее голой пояснице тут же чуть сильнее нажали на кожу, останавливая это движение и возвращая ее корпус в свое русло.

— Не воюй со мной на паркете, — низко произнес он, наклоняя голову так, что его губы оказались почти у ее виска. — Ты пытаешься вести. Расслабь спину и просто иди за моей рукой. Я тебя не уроню.

— Я не привыкла полагаться на чужую координацию, — прошептала она, глядя на идеально завязанный узел его черного галстука на уровне своих губ.

— Значит, начинай привыкать. Со мной контролировать всё подряд не нужно.

Он повел ее в широкий, плавный круг по залу.

И Лоран с изумлением поняла, что он не врал: для человека, который на стадионах крушил гитары о колонки, Нолан Кросс двигался с какой-то невозможной, кошачьей грацией и идеальным чувством ритма. Он не просто переставлял ноги под счет — он вел ее всем корпусом, смещением веса, легким, едва уловимым давлением большого пальца на ее обнаженных ребрах.

Через четыре такта Лоран перестала думать о шагах.

Ее тело само поймало его волну, темно-синий шелк юбки взметнулся вокруг их ног красивым тяжелым вихрем, и она невольно придвинулась к нему на пару сантиметров ближе, чем требовали правила светского приличия.

Ее грудь сквозь тонкую ткань лифа при каждом глубоком вдохе едва ощутимо касалась лацкана его смокинга. Ее большой палец на его плече скользнул чуть выше и коснулся горячей кожи его шеи прямо под линией темных волос на затылке.

Под ее пальцами мышцы Нолана мгновенно каменно напряглись.

Она подняла голову — и встретилась с его взглядом.

Нолан не смотрел на зал. Не смотрел на камеры. Он смотрел на нее сверху вниз так пристально и темно, словно в этом огромном зале с тремя сотнями миллионеров они остались совершенно одни. Его взгляд медленно скользнул по ее глазам, опустился к скуле, задержался на полуоткрытых губах — и у Лоран внутри, где-то в самом низу живота, вдруг скрутилась такая тугая, горячая и совершенно неуместная посреди благотворительного бала спираль, что пересохло в горле.

Она заметила, как каждый раз, когда вдоль края паркета вспыхивали объективы репортеров или кто-то из гостей поднимал телефон, чтобы снять ее лицо крупным планом, Нолан

неуловимым движением разворачивал их в вальсе так, чтобы закрыть ее от камер своей широкой спиной и плечом.

Он буквально выстраивал вокруг нее живую стену прямо в танце.

— Ты специально крутишь меня спиной к фотографам? — тихо спросила она, когда они прошли мимо спонсорского сектора.

— У них сегодня слишком много бесплатного контента, — спокойно ответил Нолан, не отводя глаз от ее лица. — А за этот танец заплатил я. Так что смотреть на тебя буду тоже я.

От этой грубоватой, прямой собственнической фразы, произнесенной его низким хриплым голосом, по коже Лоран снова побежали мурашки, а пальцы в его левой ладони непроизвольно сжались.

В десяти метрах от танцпола, у длинной барной стойки из черного мрамора, за этой картиной с нескрываемым скепсисом наблюдали еще два человека.

Маркус Торн стоял, небрежно облокотившись спиной о стойку, ослабив галстук-бабочку на мощной шее и лениво покачивая в широкой татуированной кисти стакан с содовой и лаймом.

А в двух шагах от него, прямая, как проглотившая шпагу валькирия, застыла Стелла Дюваль в своем безупречном черном брючном костюме, не спуская прищуренных, цепких глаз с кружащейся в центре зала пары.

Маркус скосил взгляд на ее профиль — на резкую линию челюсти, на гладко убранные в пучок темные волосы и тонкий белый шрам, рассекавший левую скулу. Шрам ее ничуть не портил — наоборот, придавал этому холодному, породистому лицу такую опасную, хищную притягательность, что Маркус уже десять минут ловил себя на том, что рассматривает ее куда внимательнее, чем следовало бы.

— Можешь выдохнуть, телохранитель, — негромко заметил он, делая глоток из стакана. — Он ей не откусит голову посреди вальса. Нолан, конечно, дикий, но после пяти миллионов обычно ведет себя как паинька хотя бы первые полчаса.

Стелла медленно повернула к нему голову и смерила его тяжелым, оценивающим взглядом с макушки до тяжелых туфель:

— Меня не его манеры волнуют, а то, что завтра их фотографии будут на всех заборах, а у Лоран и без вашего цирка с миллионами хватает проблем. Ты его друг или просто рядом за бесплатным шампанским ходишь? Мог бы и остановить.

Маркус усмехнулся уголком рта, разворачиваясь к ней всем своим двухметровым корпусом:

— Остановить Нолана Кросса, когда он закусил удила? Милая, проще остановить грузовой поезд голыми руками. Да и твоя подопечная, если ты еще не заметила, совсем не выглядит так, будто ее держат в заложниках.

Стелла снова посмотрела на паркет — туда, где Лоран в этот момент запрокинула голову и тихо, по-настоящему рассмеялась какой-то реплике Нолана, а тот смотрел на ее губы таким взглядом, от которого плавился лак на полу.

Крыть было нечем: Лоран действительно не смеялась так уже несколько месяцев.

Маркус поставил пустой стакан на стойку и сделал полшага ближе к Стелле, входя в ее личное пространство с той ленивой, обезоруживающей мужской самоуверенностью, которая безотказно работала на всех светских львицах Лос-Анджелеса последние десять лет:

— Кстати, Маркус Торн. На случай, если нам придется вытаскивать этих двоих из неприятностей вместе.

— Я знаю, кто ты, — сухо отрезала Стелла, даже не подумав протянуть руку в ответ и беря со стойки свой бокал с голубым коктейлем на колотом льду. — Стелла Дюваль.

— Французская фамилия и взгляд человека, который знает тридцать способов убить собеседника кофейной ложечкой, — Маркус с откровенным удовольствием оглядел ее точе-

ную фигуру под черным жакетом и остановился глазами на ее губах. — Оркестр играет еще две минуты, Дюваль. Может, составим им компанию на паркете, чтобы на твою подругу не пялился весь зал в одиночку?

— Нет.

Ответ прилетел за десятую долю секунды — плоский и холодный, как удар хлыста.

Любой другой мужчина на этом месте отошел бы в сторону. Но Маркуса Торна этот ледяной отпор после целого вечера фальшивых заискивающих улыбок старлеток только раззадорил. В его ореховых глазах заплясали опасные черти:

— Даже не подумаешь секунду из вежливости? Я отлично танцую, клянусь. У меня врожденное чувство ритма, я барабанщик.

— Я уже подумала. Ответ тот же — нет.

Маркус наклонил голову набок, рассматривая ее вспыхнувшие темным раздражением глаза с расстояния вытянутой руки, и совершил главную тактическую ошибку своего вечера:

— Боишься, что помну твой строгий костюм, тренер? Или просто такие железные леди, как ты, не умеют расслабляться и уступать мужчине, когда он ведет?

В глазах Стеллы что-то тихо, смертоносно щелкнуло.

Она не повысила голоса. Не изменилась в лице ни на миллиметр.

Просто медленно перевела взгляд с его нахальной ухмылки на его белоснежную, сшитую на заказ сорочку под расстегнутым смокингом — и одним коротким, хирургически точным движением кисти перевернула свой полный бокал прямо ему за расстегнутый воротник.

Ледяной ярко-голубой коктейль вместе с горстью колотого льда и долькой апельсина с плеском хлынул прямо на горячую грудь Маркуса, мгновенно окрашивая дорогую белую ткань в ядовито-бирюзовый цвет и стекая ледяными ручьями по кубикам пресса прямо в брюки.

Бармен за стойкой уронил шейкер на резиновый коврик и присел за пивными кранами, делая вид, что его здесь нет.

Маркус замер с открытым ртом, ощущая, как за ремнем брюк тает кусок льда.

А Стелла аккуратно поставила пустой хрустальный бокал на мраморную стойку, сделала полшага вплотную к его мокрой груди и тихо, раздельно произнесла, глядя ему прямо в глаза:

— Запомни с первого раза, Торн: когда я говорю мужчине «нет» — это конец предложения, а не начало переговоров. С легким паром.

Она развернулась на каблуках и абсолютно невозмутимой походкой отошла к колонне у выхода из зала.

Маркус несколько секунд стоял неподвижно, затем запустил два пальца под рубашку, вытащил из-за пояса кубик льда, бросил его на салфетку и, провожая взглядом прямую спину и длинные ноги удаляющейся Стеллы, вдруг тихо, хрипло рассмеялся себе под нос:

— Вот же чертова ведьма...

На паркете Лоран увидела эту немую сцену у бара через плечо Нолана во время очередного поворота — и у нее от изумления округлились глаза.

— Кажется, моя подруга только что вылила свой коктейль твоему другу за шиворот, — сдавленно выдохнула она.

Нолан даже не обернулся, продолжая плавно вести ее под нарастающее крещендо скрипок:

— Значит, Торн опять включил свое фирменное обаяние не с той женщиной. Живой?

— Стоит с мокрой рубашкой и улыбается ей вслед как идиот.

— Тогда точно заслужил, — хмыкнул Нолан.

Лоран не выдержала и тихо рассмеялась.

От этого живого, грудного смеха она непроизвольно опустила голову, и ее лоб на мгновение коснулся его гладко выбритой щеки и линии челюсти.

И смех тут же застрял у нее в горле.

Потому что Нолан замедлил шаг.

Его здоровая левая рука чуть крепче сжала ее пальцы, опуская их соединенные ладони ниже, между их телами, прямо к своей груди, а правая рука на ее обнаженной пояснице сместилась на несколько сантиметров вбок, чтобы бинт не царапал кожу, и вся его широкая, горячая ладонь легла прямо на ее голый бок и ребра, притягивая ее к себе так близко, что между их телами в движении не осталось воздуха.

Лоран подняла лицо.

Улыбка исчезла с губ обоих.

Они находились в самом центре освещенного круга, среди сотен глаз, но то, как Нолан сейчас смотрел на ее рот с расстояния пяти сантиметров, было настолько интимным и неприкрыто голодным, что у Лоран закружилась голова сильнее, чем от вращения вальса. Она чувствовала кожей бедер каждое движение его сильных ног в брюках смокинга, чувствовала, как тяжело и глубоко вздымается его грудная клетка, соприкасаясь с ее грудью, и как под ее ладонью на его шее бьется быстрый, горячий пульс.

За спиной Нолана, у края партера, она боковым зрением увидела застывшие фигуры: вот Джакс Рейн с перекошенным от ярости лицом что-то шипит в телефон; вот Хлоя с каким-то странным, хищным выражением снимает их на камеру; вот за главным столом стоит Джулиан Вэнс, буравя их спины тяжелым, ненавидящим взглядом человека, у которого только что из-под носа увели добычу.

Вокруг них сжималось кольцо стаи, которая завтра утром попытается разорвать их обоих в клочья за этот вызов.

Лоран невольно напряглась в его руках.

Нолан почувствовал это мгновенно — по тому, как затвердели мышцы ее спины под его пальцами.

Музыка пошла на финальный, протяжный такт.

Он плавно остановил ее в центре зала, но рук не убрал — напротив, на последнем затихающем аккорде виолончели наклонился к ней так низко, что его губы почти коснулись ее уха, обдавая нежную кожу обжигающим дыханием, от которого у нее по всему телу от шеи до пяток прокатилась крупная, сладкая дрожь.

— Они боятся тебя, Лоран, — прошептал он только для нее одной, тем самым низким, гипнотическим голосом, который пробирал до самых костей. — Посмотри на их лица. Они до смерти боятся того, что ты перестанешь быть послушной.

У нее перехватило дыхание, пальцы на его плече судорожно сжали черную ткань смокинга.

— Позволь мне помочь тебе их сжечь, — выдохнул он ей прямо в висок.

Последняя нота оборвалась.

Три секунды они стояли посреди зала в полной тишине, не размыкая объятий, глядя глаза в глаза — слишком близко, слишком откровенно для простого благотворительного танца, — пока зал наконец не очнулся и не взорвался громом аплодисментов и новой очередью фотовспышек.

Нолан медленно, словно нехотя, разжал пальцы на ее горящей спине, оставляя на коже ощущение ожога.

А Лоран, отступая от него на шаг с пылающими щеками и бешено колотящимся сердцем и направляясь к боковому выходу в музейную галерею, чтобы перевести дух в тишине, еще не знала, что Джулиан Вэнс уже поставил свой бокал на стол и двинулся за ней следом.

Глава 8. Звериный оскал

У Лоран горела спина.

Ровно в том месте, где три минуты назад лежали пальцы Нолана Кросса.

Она толкнула тяжелую стеклянную дверь, отделявшую банкетный зал от основной экспозиции музея, и выдохнула так шумно, будто вынырнула из кипятка. Доводчик мягко шикнул за спиной, отсекая гул голосов, звон хрусталя и проклятый оркестр.

Здесь пахло кондиционированной пылью, полиролью для камня и очень большими деньгами, вложенными в современное искусство. Вдоль светлых стен тянулись огромные абстрактные полотна.

Лоран остановилась напротив черного квадрата с синим мазком посередине и уставилась в свое полупрозрачное отражение.

— Соберись, Вейл, — пробормотала она себе под нос. — Это был просто вальс. За пять гребаных миллионов долларов. С парнем, от которого пахнет дымом, виски и твоими будущими проблемами с психикой.

Она приложила прохладные ладони к щекам.

Господи, да что с ней не так? Ей двадцать шесть лет. Она выросла среди самых красивых мужчин Голливуда. Актеры с челюстями, высеченными из мрамора, целовали ее под прицелом сорока камер, и единственное, о чем она тогда думала — не перекрывает ли она свет партнеру и не застрял ли у него в зубах укроп после обеда.

А тут стоило одному нахальному рокеру положить перебинтованную руку ей на голую поясницу и прошептать на ухо пару дерзких фраз — и у нее внизу живота все скрутило так, словно ей снова шестнадцать и она впервые залезла с парнем на заднее сиденье отцовского «Линкольна».

«Позволь мне помочь тебе их сжечь».

Кто вообще так разговаривает на благотворительных балах?!

И самое ужасное — в тот момент, когда его губы почти коснулись ее виска, она хотела сказать «да». Хотела развернуться, вцепиться пальцами в лацканы его идеально сидящего смокинга и проверить, такой же ли у него горячий рот, как взгляд.

Лоран тряхнула головой, рассыпая уложенные локоны по плечам, и потянулась к сумочке. Нужно найти Стеллу, вызвать машину и свалить домой под холодный душ.

На экране телефона висело сообщение от подруги:

«Тетка из попечительского совета зажала меня в углу с лекцией о пользе пилатеса. Даю себе пять минут, чтобы не сломать ей нос. Я у восточного входа».

Лоран криво усмехнулась и уже развернулась к переходу между галереями, когда из полумрака соседней арки шагнула высокая фигура.

— Прекрасный выбор маршрута. Я тоже предпочитаю тишину этого крыла.

Джулиан.

Он стоял ровно посередине прохода, лениво покачивая в пальцах бокал с виски. Лед тихо звякнул о тонкое стекло. На губах инвестора играла та самая безупречная, выверенная до миллиметра улыбка, с которой люди его круга обычно подписывают бумаги о ликвидации чужих компаний.

Все приятное тепло, оставшееся после Нолана, испарилось за долю секунды.

Лоран остановилась в трех шагах, автоматически выпрямляя спину.

— Вечер действительно шумный, — вежливо, но сухо ответила она. — Прошу меня извинить, меня ждут у входа.

Она сделала шаг вправо, намереваясь обойти его по широкой дуге.

Джулиан сдвинулся следом. Плавно, почти небрежно, но ровно настолько, чтобы снова оказаться у нее на пути.

— Спешите к мистеру Кроссу? — его голос звучал мягко, как бархат, которым обтягивают гробы. — Должен признать, эффектный выход. Пять миллионов — щедрая цена за три минуты внимания. Хотя, будь у меня информация, что торги перешли в категорию прямых покупок, я бы не остановился на миллионе.

Внутри у Лоран что-то глухо щелкнуло.

Еще неделю назад она бы проглотила этот завуалированный плевок. Улыбнулась бы чуть шире, перевела все в светскую шутку, как учила мать: «Мужчины с деньгами любят чувствовать свое превосходство, Лоран, не спорь с кошельком».

Но за эту неделю ее назвали шлюхой в миллионах твитов, ее ударила собственная мать, а Стелла три дня подряд сбивала ей дыхание на ринге, выколачивая привычку пятиться.

Лоран медленно подняла взгляд к его лицу.

— Вы перепутали мероприятие, Джулиан, — произнесла она ледяным тоном. — Здесь продавали благотворительный танец для детского фонда. А ваше уязвленное эго в каталог лотов не входило.

Улыбка с лица Джулиана сползла не сразу — сначала просто затвердели углы губ, а глаза стали холодными и плоскими, как у дохлой рыбы.

Он поставил бокал на мраморный постамент рядом с какой-то бронзовой скульптурой. Не торопясь. И сделал шаг вплотную к ней.

Лоран не отступила, хотя инстинкт самосохранения взвыл сиреной. От него пахло дорогим табаком, тяжелым парфюмом и той специфической вседозволенностью мужчин, которым слишком давно никто не говорил «нет».

— Какой прорезался голосок, — тихо сказал он, глядя на нее сверху вниз. — Значит, слухи не врут. Золотая девочка семьи Вейл решила поиграть в бунт.

— Отойдите с дороги.

— Не указывай мне, дрянь.

Переход от светского лоска к площадной злобе произошел так мгновенно, что Лоран вздрогнула.

Джулиан выбросил руку вперед и жестко перехватил ее за предплечье, чуть выше локтя. Пальцы впились в кожу с такой силой, что она сразу поняла — завтра там расцветет синяк.

— Пустите! — Лоран рванулась назад, но он только сильнее дернул ее на себя, заставляя прогнуться и почти столкнуться с ним грудью.

— Ты, кажется, не поняла расклад, Лоран, — прошипел он ей прямо в лицо, обдавая парами односолодового виски. — Твой папочка два месяца оббивал пороги моего фонда, чтобы я вложился в его новый студийный пакет. А сегодня ты позволяешь какому-то обдолбанному гитаристу выставить меня посмешищем перед половиной совета директоров?!

— Мне плевать на дела моего отца! Уберите руки, или я сейчас закричу так, что сбежится вся охрана!

Джулиан коротко, лающе рассмеялся, но его взгляд, скользнувший по ее открытым плечам и вырезу платья, был совершенно трезвым и отвратительно расчетливым.

— Кричи, — почти ласково предложил он. — Давай. Сделай мне такой подарок. Представляешь завтрашние заголовки в *Variety* и *TMZ*? Кстати, в обоих холдингах у меня блокирующий пакет. «Истеричка Лоран Вейл снова слетела с катушек на почве веществ и бросается на почетных спонсоров». Кто поверит девке с хэштегом #NepoWhore против меня?

У Лоран похолодело внутри. Не потому, что он врал — а потому, что каждое его слово было чистой, беспримесной правдой. В этом городе репутация стоила ровно столько, сколько за нее платили владельцы медиа.

Джулиан увидел секундную тень в ее глазах и довольно оскалился, сжимая пальцы еще сильнее:

— Вот и умница. Быстро соображаешь. А теперь ты приведешь лицо в порядок, выйдешь в зал и проведешь остаток вечера за моим столом. А после банкета мы в более приватной обстановке обсудим, как ты будешь компенсировать мне сегодняшний моральный ущерб. И поверь, фантазия у меня богатая.

Его свободная рука поднялась, намереваясь провести костяшками по ее голой ключице.

И тут в голове Лоран прозвучал сухой, резкий голос Стеллы из пропотевшего зала:

«Если ублюдок подошел на расстояние вытянутой руки — разговор окончен. Бей туда, где тонко, и рви дистанцию».

Лоран не стала тратить силы на попытки выкрутить запястье.

Она коротко перенесла вес на левую ногу, а правую со всей дури впечатала острым четырехдюймовым каблуком от *Jimmy Choo*точно в подъем его стопы, обтянутой мягкой итальянской кожей.

Раздался глухой хруст и сдавленный звериный вой:

— Ах ты, сука!..

Хватка на ее руке ослабла на долю секунды, когда Джулиан инстинктивно согнулся, но этого хватило. Лоран со всего размаху ткнула жестким углом своего металлического клатча ему под подбородок, вырывая локоть, и отскочила назад, сбив плечом информационную табличку у стены.

Джулиан схватился ладонью за челюсть. На его холеном лице проступили багровые пятна, глаза налились кровью.

— Ты труп в этом городе, Вейл, — прохрипел он, делая хромающий шаг к ней. — Я тебя сгною. Ты у меня в массовку рекламы кошачьего корма не попадешь, пока на коленях не приползешь...

— Джулиан? Мистер Вэнс, что здесь происходит?!

Из-за поворота галереи быстро вышла распорядительница музея в сопровождении широкоплечего охранника в костюме. Табличка упала достаточно громко, чтобы привлечь внимание.

Лоран стояла в трех метрах от инвестора, тяжело дыша. Подол темно-синего платья был надорван у щиколотки, грудь вздымалась, а пальцы так сжимали клатч, что побелели костяшки.

Но больше всего ее поразило то, что сделал Джулиан.

За одну секунду — буквально за один вдох — ярость на его лице сменилась выражением глубокого, печального сочувствия. Он опустил руку от подбородка, одернул пиджак и повернулся к охране с видом утомленного джентльмена.

— Слава богу, вы подошли, — негромко и очень убедительно сказал он. — Боюсь, мисс Вейл снова нездоровится. Я пытался предложить ей присесть, но она крайне агрессивно реагирует на любую помощь. Пожалуйста, проводите ее без лишнего шума, не хотелось бы привлекать прессу к ее состоянию.

У Лоран перехватило горло от такой запредельной наглости.

— Он врет! — голос сорвался на высокую ноту. — Посмотрите на мою руку, он схватил меня и угрожал!..

Охранник замялся, переводя растерянный взгляд с одного из главных спонсоров музея на актрису, чье видео с нервным срывом крутили по всем каналам третьи сутки.

И в этой секундной заминке охранника Лоран увидела все, о чем говорил Джулиан. Сомнение. Осторожную оценку. Страх потерять работу из-за жалобы не на того человека.

Сердце ударило в ребра тяжелым, знакомым молотом. Воздух в галерее вдруг стал плотным и вязким.

— Мне не нужна его помощь, — выговорила Лоран, заставляя себя не отводить взгляда от холодных глаз инвестора. — Проводите меня к выходу. Сейчас же.

Джулиан смотрел ей вслед, слегка массируя ушибленную челюсть, и в его прищуре читалось совершенно ясное обещание: *это только начало, девочка*.

У служебного коридора, куда ее вывели в обход основного зала, ноги все-таки дали слабину.

Отступающий адреналин всегда бил под дых хуже самой драки. Ладони стали ледяными, в ушах зашумело, а на предплечье отчетливо проступили четыре багровых следа от чужих пальцев.

Лоран прислонилась лопатками к стене, пытаясь набрать номер Стеллы непослушными руками.

Дверь из банкетного крыла распахнулась через полминуты.

Первой влетела Стелла — и одного взгляда на порванный подол и пятна на руке Лоран хватило, чтобы лицо тренера превратилось в каменную маску.

— Кто? — коротко бросила она, вставая перед подругой так, будто прикрывала от снайпера.

— Джулиан.

— Где этот ублюдок?

— Стелла, не надо, там камеры и охрана... Я в порядке, я врезала ему каблуком, просто... давай уедем отсюда. Пожалуйста.

Стелла выругалась сквозь зубы, доставая телефон, чтобы вызвать водителя.

А через секунду в коридор вышли Нолан и Маркус.

Нолан увидел ее сразу. Он еще на ходу расстегивал верхнюю пуговицу рубашки, словно воротник смокинга мешал ему дышать, но, заметив согнутую фигуру Лоран у стены и следы на ее коже, замер как вкопанный.

Лоран подняла на него глаза.

Она видела Нолана раздраженным. Видела уставшим, ироничным, дразнящим.

Но таким она его еще не видела.

Его лицо словно высекли из льда. Взгляд упал на синяки на ее предплечье, затем медленно поднялся к лицу. Челюсти сжались так, что под кожей заходили желваки, а здоровая рука сжалась в кулак до хруста суставов.

— Вэнс? — тихо спросил он, даже не уточняя, что случилось. Он все понял еще за столом, когда увидел, куда направился инвестор.

Лоран не успела ответить — Нолан уже развернулся обратно к дверям зала.

— Нолан, стой! — Маркус мгновенно перехватил друга поперек груди, упираясь ладонью ему в солнечное сплетение. — Остынь, мать твою, там полсотни репортеров с включенными камерами!

— Пусти, Торн. Я просто поговорю с ним.

— Ты об стену руку разбил, когда просто «разговаривал» с Джаксом! — рявкнул Маркус вполголоса.

— Нолан!

Голос Лоран прозвучал негромко, но он остановился сразу.

Она шагнула вперед и ухватилась ледяными пальцами за рукав его смокинга, прямо поверх бинтов на запястье.

Нолан посмотрел сверху вниз на ее руку, потом в ее распахнутые, блестящие от злых слез глаза.

— Не давай ему того, чего он добивается, — быстро прошептала она, чувствуя, как под ее ладонью колотится его пульс. — Он только и ждет, чтобы мы устроили бойню. Увези меня отсюда.

Несколько бесконечных секунд внутри Нолана шла война — Лоран буквально видела, каких чудовищных усилий ему стоит не сорваться с цепи и не пойти крушить черепа в соседнем зале.

Затем он медленно, тяжело выдохнул сквозь зубы.

И накрыл ее дрожащие пальцы своей широкой теплой ладонью.

— Машина далеко? — бросил он Стелле.

— Водителя заблокировали у главного въезда, папарацци пронюхали про ваш танец и оцепили периметр, — мрачно ответила та, глядя в экран телефона. — Ждать минимум пятнадцать минут.

Лоран передернуло от одной мысли, что еще четверть часа придется провести под одной крышей с Джулианом и фальшивыми улыбками гостей.

Нолан заметил, как дрогнули ее плечи. Его взгляд потемнел, но голос прозвучал предельно четко:

— Мы не будем ждать пятнадцать минут. У меня во внутреннем дворе стоит байк.

Он посмотрел прямо в глаза Лоран — близко, горячо, отсекая весь остальной мир:

— Доверяешь мне, Вейл?

Лоран посмотрела на его разбитые костяшки, на расстегнутый ворот рубашки, на глаза человека, который десять минут назад не пожалел пяти миллионов, лишь бы вытащить ее из чужих лап.

— Только если поедешь очень быстро, Кросс, — выдохнула она.

На губах Нолана впервые за последние минуты мелькнула хищная, опасная усмешка.

— Быстро — это я могу гарантировать.

Глава 9. Адреналиновый взрыв

Служебные недра музея пахли хлоркой, остывшим фритюром и чужой спешкой.

Они шли так быстро, что каблуки Лоран выбивали по серому бетонному полу пулеметную дробь, эхом отскакивающую от низких сводов, увешанных толстыми трубами вентиляции. Темно-синий шелк ее платья шуршал и путался в ногах; в том месте, где она наступила на подол, убегая от Джулиана, ткань окончательно разошлась, открывая лодыжку.

Нолан шел на полшага впереди.

Он не тащил ее за собой силой — просто держал ее ладонь в своей левой руке, но его пальцы сомкнулись вокруг ее тонких костей с такой плотной, бескомпромиссной уверенностью, что у Лоран даже мысли не возникало замедлиться. От его ладони шел сухой жар. Она видела перед собой его широкую спину в безупречно скроенном пиджаке смокинга, напряженную линию шеи и темные пряди волос, выбившиеся из небрежной укладки и падающие на белый воротник.

Каждое его движение напоминало взведенный курок.

Позади них, почти вприпрыжку, семенил начальник смены охраны, на ходу прижимая к уху гарнитуру, а замыкали шествие Стелла и Маркус.

— Периметр у северного крыла перекрыт полностью, — задыхаясь, докладывал охранник. — Кто-то из гостей выложил ролик с аукциона в сеть две минуты назад. У главного въезда уже десятка три папарацци, они заблокировали полосу для такси. Если выведем мисс Вейл туда, ее просто сомнут.

— Мы не идем к главному въезду, — не оборачиваясь, бросил Нолан. — Открывай грузовой шлюз хоздвора.

— Мистер Кросс, по инструкции я не имею права выпускать VIP-гостей через техническую зону без предварительного...

Нолан резко остановился перед тяжелой металлической дверью с желтой табличкой «Посторонним вход воспрещен» и развернулся к охраннику.

Лоран едва не врезалась ему в грудь.

В холодном белом свете люминесцентных ламп лицо Нолана выглядело так, что у охранника слова застряли в горле.

— Инструкцию ты завтра зачитаешь руководству, — тихо и очень внятно произнес Нолан. — А прямо сейчас ты приложишь свой пропуск к считывателю, потому что в твоем чертовом музее минуту назад спонсор распускал руки в темном коридоре, и единственная причина, по которой у вас еще не работает полиция и скорая — то, что Лоран попросила меня не возвращаться в зал. Понял меня?

Маркус, остановившийся рядом со Стеллой, лениво облокотился плечом о стену и добавил почти дружелюбно:

— Я бы на вашем месте нажал кнопочку, приятель. Когда он начинает разговаривать так вежливо, у страховых компаний обычно случается инфаркт.

Охранник сглотнул, посмотрел на каменное лицо Стеллы, которая молча хрустнула костяшками пальцев, и без лишних слов приложил пластиковую карту к датчику.

Замок пискнул. Нолан толкнул тяжелую створку плечом.

В лицо тут же ударил сырой ночной воздух, пропахший мокрым асфальтом, бензином и перезрелыми апельсинами из мусорных баков ресторанного крыла.

Хозяйственный двор представлял собой узкий асфальтированный колодец, зажатый между глухими бетонными стенами музея и высокой кованой решеткой, выходившей в боковой переулок. Под козырьком разгрузочной рампы стоял белый фургон кейтеринга с распах-

нутыми задними дверями; двое рабочих в фартуках, куривших на ступеньках, с открытыми ртами уставились на компанию в вечерних туалетах, вывалившуюся из технической двери.

А чуть правее, в густой тени за бетонной колонной, стоял мотоцикл.

Лоран перевела взгляд с него на Нолана.

Это был не глянцевый выставочный чоппер, какие иногда покупают голливудские актеры, чтобы раз в год проехать два квартала до кофейни в Малибу. Черный, матовый, с хищным рубленым профилем бака и широким задним колесом, байк выглядел как кусок ночной темноты, отлитый из металла и карбона.

— Охренеть, — выдохнула Лоран, останавливаясь у края рампы. — Ты приехал на благотворительный бал в смокинге верхом на этом?

Нолан уже шагнул к мотоциклу, доставая из кармана брюк ключ-метку.

— В пробке на бульваре Сансет мне было глубоко плевать на дресс-код, — отозвался он, откидывая крышку заднего кофра. — Снимай туфли, Вейл.

Она посмотрела вниз на свои серебристые босоножки на тонкой десятисантиметровой шпильке. Ремешки так врезались в отекшие за вечер щиколотки, что пальцы уже онемели, но перспектива разуться посреди грязного технического двора вызвала у нее секундный ступор.

— Прямо здесь?

— Если не хочешь слететь на первом же повороте, когда каблук соскользнет с подножки — да, прямо здесь.

Лоран оперлась рукой о холодную стену и нагнулась к застежке. Пальцы все еще мелко, противно дрожали после стычки с Джулианом; крошечная металлическая пряжка никак не желала поддаваться.

— Да чтоб тебя...

Нолан не дал ей договорить.

Он бросил на сиденье байка два черных шлема, одним движением сдернул с плеч пиджак от смокинга, швырнул его в кофр и опустился перед ней на одно колено прямо на пыльный асфальт.

Лоран замерла, глядя сверху вниз на его склоненную голову.

Под тонкой белой тканью рубашки отчетливо проступили рельефные мышцы спины и темные контуры татуировок на плечах. Его пальцы — длинные, с коротко остриженными ногтями и белым бинтом, туго перетягивающим сбитые костяшки правой кисти, — перехватили ее щиколотку.

Лоран вздрогнула от контраста: кожа ее ног замерзла на сквозняке, а его руки были обжигающе горячими.

Нолан расстегнул тонкий ремешок первой босоножки с такой осторожностью, будто разминировал взрывное устройство. Снял туфлю, но вместо того, чтобы поставить ее ступню на холодный бетон, положил ее ногу подъемом на свое согнутое колено, обтянутое плотной черной шерстью брюк.

Затем его большой палец медленно, с легким нажимом провел по красному следу от ремешка и сбитой коже на пятке.

У Лоран перехватило дыхание. Это было совершенно простое, почти бытовое движение, но в том, как нахмурились его брови, когда он увидел стертую в кровь мозоль, было столько угрюмой мужской нежности, что у нее внутри все сжалось.

Он так же молча освободил вторую ногу и передал босоножки подошедшей Стелле.

— Держись за меня, — глухо сказал Нолан, еще не поднимаясь.

Его ладони легли на ее голые лодыжки и скользнули вверх по икрам, собирая тяжелые складки темно-синего шелка. Ткань платья задралась, открывая колени, а затем и бедра до самого края вшитых шелковых шортиков.

Когда его шершавые пальцы задели нежную, чувствительную кожу на внутренней стороне бедра, укладывая подол плотным узлом сбоку на талии, Лоран не смогла сдержать короткий, рваный вдох. Ее руки сами собой вцепились в его плечи; сквозь рубашку она почувствовала, как каменно напряглись его мышцы.

Нолан поднял голову.

Несколько секунд он смотрел на нее снизу вверх — прямо в глаза, в упор. Его зрачки в желтом свете дворового прожектора казались почти черными, а дыхание стало заметно тяжелее. Он ничего не сказал, но от того, каким голодным, потемневшим взглядом он скользнул по ее обнаженным бедрам, прежде чем подняться во весь рост, у Лоран бросило в жар все тело, от живота до кончиков ушей.

Он взял со своего мотоцикла тяжелую кожаную куртку и накинул ей на плечи.

Она утонула в ней мгновенно. Куртка весила, казалось, пару килограммов, жесткие защитные вставки на локтях и плечах приятно давили, создавая ощущение настоящего панциря, а воротник пах с ума сводящей смесью: дорогой туалетной водой с нотами кедра, табачным дымом, кожей и самим Ноланом.

Он взялся за края куртки и медленно потянул молнию вверх, до самого ее подбородка, на секунду задержав кулак у яремной впадинки на ее шее, где прямо под кожей лихорадочно бился пульс.

— Теперь шлем, — произнес он хрипло. — Убери волосы назад.

Лоран послушно скрутила пряди на затылке. Нолан надел на нее черный матовый интеграл, сразу отсекший половину звуков внешнего мира, и защелкнул ремешок под челюстью, проверив пальцем натяжение.

В этот момент со стороны кованых ворот, выходивших в переулок, донесся нарастающий гул голосов, топот десятка ног и чей-то торжествующий выкрик:

— Они здесь! Вон байк Кросса!

Лоран резко повернула голову. Сквозь прутья решетки уже виднелись бегущие фигуры с тяжелыми объективами наперевес. Кто-то на ходу вскинул камеру, и первая ослепительная вспышка прорезала полумрак двора.

Сердце Лоран пропустило удар, в груди снова шевельнулся холодный, липкий ком паники. Они сейчас заблокируют выезд. Зажмут их в этом бетонном мешке, будут совать микрофоны в лицо, снимать ее босые ноги, порванное платье...

— Эй, — Нолан перехватил ее лицо обеими ладонями прямо поверх шлема, жестко поворачивая обратно к себе, так что в прорези визора остались только его глаза. — Смотри на меня, Вейл. Только на меня. Через десять секунд их там не будет.

Стелла шагнула к ней сбоку, крепко сжав ее плечо в кожаном рукаве:

— Езжай, Лоран. Машину я перехвачу на бульваре. И только попробуй не отзвониться мне через полчаса!

— А мы пока поработаем швейцарами, — хищно усмехнулся Маркус, засучивая рукава своего смокинга и направляясь к охраннику у пульта управления воротами. — Открывай створку на метр, шеф, и сразу блокируй обратно.

Нолан надел свой шлем и перекинул ногу через седло.

Двигатель взревел с первого касания кнопки — низким, утробным, вибрирующим рыком, от которого задрожали стекла в дверях фургона кейтеринга.

Он протянул Лоран руку:

— Садись.

Она поставила босую ступню на металлическую подножку — холод обожег кожу, но тут же сменился жаром, шедшим от раскаленных труб выхлопа внизу, — и перенесла вес, усаживаясь позади него.

Седло было узким и покатым; она неизбежно съехала вперед, впечатываясь бедрами в его ягодицы и поясницу.

— Не за куртку, — крикнул Нолан сквозь рокот мотора, оборачиваясь к ней. — Обхвати меня руками под ребрами, сцепи пальцы в замок на животе и прижмись грудью к спине! Когда пойдем в наклон — не выпрямляйся, наклоняйся вместе со мной, будто мы одно тело!

Она не стала спорить.

Подалась вперед, прижимаясь всем корпусом к его широкой спине, просунула руки под его локти и крепко сцепила ладони на его плоском, каменном от напряжения прессе.

Впереди со скрежетом разошлись чугунные створки ворот — ровно настолько, чтобы прошел мотоцикл.

В проем тут же рванулись первые четверо папарацци. Вспышки ударили очередью, превращая ночь в слепящее белое месиво.

— Лоран! Это правда, что Джулиан Вэнс выставил вас из зала?!

— Нолан, сколько стоит ночь с оскароносной актрисой?!

Один из фотографов, рослый парень в джинсовке, нагло выскочил прямо перед передним колесом, рассчитывая, что музыкант побоится сбить человека и затормозит ради удачного кадра в упор.

Лоран зажмурилась, судорожно вжимаясь лицом между лопаток Нолана.

Нолан не затормозил.

Он выжал сцепление и выкрутил ручку газа до упора. Мотор издал оглушительный, огненный рев, от которого заложило уши; заднее колесо провернулось на месте, взвизгнув резиной по асфальту и окутав фотографа густым, едким облаком сизого дыма. Папарацци с матом шарахнулся в сторону, роняя вспышку, а Нолан бросил сцепление.

Мотоцикл рванул вперед, как выпущенный из катапульты снаряд.

Ускорение было такой чудовищной, первобытной силы, что у Лоран выбило воздух из легких. Только сцепленные в замок руки на животе Нолана удержали ее в седле, когда байк вылетел из узкого переулка прямо на широкий четырехполосный бульвар Уилшир, заложив крутой вираж между капотом такси и автобусом.

Сзади раздались отчаянные гудки клаксонов — и тут же утонули в реве ветра.

Вторая передача. Третья.

Стрелка спидометра на цифровой приборной панели, которую Лоран видела из-за его плеча, метнулась вверх с пугающей скоростью.

Лос-Анджелес вокруг них перестал быть городом из открыток и рекламных щитов — он превратился в размытый, пульсирующий туннель из света, ветра и скорости. Неоновые вывески баров, красные габариты машин, золотые квадраты окон в небоскребах сливались в сплошные огненные полосы.

Ветер бил в шлем с такой мощью, что гудел в ушах, как океанский шторм. Он забирался под подол завязанного узлом платья, леденил голые икры и бедра, но стоило Лоран прижаться к Нолану еще теснее, как ее обдавало жаром его тела и раскаленного двигателя под ними.

Она чувствовала его всего.

То, как перекатываются крутые мышцы на его спине и плечах, когда он перекладывает тяжелый байк из одного ряда в другой. То, как напрягаются его бедра, зажатые между ее коленями. То, как ровно и глубоко вздымается его грудная клетка под ее ладонями.

На перекрестке у Беверли-драйв они ушли в поворот под таким острым углом, что Лоран показалось — еще пара дюймов, и она чиркнет коленом по черному асфальту.

Еще вчера она бы умерла от ужаса.

Вчера она задыхалась от панической атаки в идеально безопасном зале среди пятисот миллионеров, потому что не могла контролировать свою жизнь.

А сейчас, несясь сквозь ночь на скорости за сто миль в час, без обуви, в разорванном вечернем платье, прижавшись к мужчине, которого знала без году неделя, она вдруг почувствовала такую пьянящую, абсолютную свободу, какой не испытывала за все двадцать шесть лет своей правильной, расписанной по минутам жизни.

Никто из тех, кто остался позади — ни мать с ее холодным презрением, ни Джулиан с его угрозами, ни тысячи безликих троллей в интернете, — не могли дотянуться до нее здесь. Они просто не успевали за этой скоростью.

Грудь Лоран распирало от восторга и чистого, неразбавленного адреналина.

Она приоткрыла забрало шлема на палец, впуская внутрь тугую струю ночного воздуха, пахнущего цветущим жасмином и нагретым камнем с холмов, куда уводила дорога, — и громко, заливисто расхохоталась, запрокинув голову.

Нолан услышал.

Или почувствовал вибрацию ее груди своей спиной.

Выходя из очередного виража на пустынном подъеме к Малхолланд-драйв, где город остался далеко внизу сияющим бескрайним ковром, он на несколько секунд убрал левую руку с клипона руля и опустил ее вниз. Его широкая ладонь в кожаной перчатке без пальцев легла поверх ее сцепленных кистей на его животе, крепко сжала их и чуть сдвинула ниже, к самой линии ремня, впечатывая ее таз в свою поясницу так плотно, что у Лоран внутри все оборвалось уже совсем не от скорости.

Между ее бедер, прямо через тонкий шелк шортиков, прошла тяжелая, горячая вибрация работающего на высоких оборотах мотора, смешавшаяся с твердым движением его бедер.

Улыбка слетела с губ Лоран. Дыхание перехватило, соски под платьем мгновенно набухли и затвердели, болезненно упираясь в жесткую ткань его рубашки, а низ живота скрутилотакой острой, пульсирующей волной вожделения, что она непроизвольно сжала колени сильнее и уткнулась лбом ему в шею, прямо под кромку его шлема, вдыхая солоноватый запах горячей мужской кожи.

Нолан резко прибавил газ. Мотоцикл с низким рыком взлетел по последнему серпантину и нырнул под козырек закрытого въезда в высотный кондоминиум из темного стекла и бетона.

Тяжелые автоматические ворота подземного паркинга бесшумно сомкнулись за их спиной, отрезая шум города.

Нолан провел байк по пустому нижнему уровню, залитому приглушенным матовым светом, свернул в отдельный бокс на две машины, где рядом под серым чехлом угадывались очертания спортивного купе, и заглушил двигатель.

Наступила оглушительная тишина.

Только остывающий металл глухо, ритмично пощелкивал внизу: *тик-тик-тик*.

Лоран не шевелилась.

Она продолжала сидеть, вцепившись пальцами в его живот и прижимаясь грудью к его мокрой от пота спине. Все ее тело гудело от пережитой гонки, как натянутая до предела струна; кровь стучала в висках, в кончиках пальцев, между бедер.

Нолан тоже не спешил слезать. Он сидел, широко расставив длинные ноги в брюках от смокинга и упираясь подошвами в бетон, и она чувствовала, как тяжело, глубоко ходит его грудная клетка.

— Вейл, — его голос из-под шлема прозвучал низко и хрипло. — Если ты сейчас не разожмешь руки, мы никуда отсюда не уйдем.

Лоран медленно, словно очнувшись от гипноза, ослабила хватку и выпрямилась. Ладони сразу замерзли без тепла его тела.

Нолан откинул боковую подножку, но сам остался сидеть в седле — просто развернулся к ней вполоборота, стянул с головы свой шлем и повесил его на зеркало.

Его темные волосы взмокли у висков и беспорядочно растрепались, на лбу алела полоса от плотной подкладки, а глаза в полумраке паркинга горели таким лихорадочным, темным огнем, что у Лоран пересохло в горле.

Он протянул руки, расстегнул защелку под ее подбородком и осторожно снял с нее шлем, положив его на бак перед собой.

Затем его пальцы зарылись в ее спутанные волосы на затылке, распуская сбившийся узел, и густая темная волна упала ей на плечи. Но руку он не убрал — так и оставил широкую ладонь у нее на шее, большим пальцем медленно поглаживая чувствительную кожу за ухом.

Лоран смотрела на него в упор, тяжело дыша.

Она все еще сидела верхом на пассажирском месте, чуть выше него, и ее колени по-прежнему обхватывали его бедра по бокам. Узел темно-синего платья сбился совсем высоко, открывая ноги вплоть до кружевной кромки белья под вшитыми шортиками, а тяжелая кожаная куртка Нолана распахнулась у горла, когда она потянулась снимать шлем.

Взгляд Нолана медленно опустился вниз — по ее вздымающейся груди, по синякам на запястье, которые она выставила напоказ, опершись руками о его плечи, по полоске голой кожи на бедре, прижатом к его боку.

Челюсти музыканта сжались так, что под кожей проступили резкие желваки.

— Как ты? — глухо спросил он, возвращаясь взглядом к ее губам. — Нигде не замерзла?

— Мне жарко, — честно выдохнула Лоран, и голос ее прозвучал совсем тихо и надтреснуто. — Очень жарко, Кросс.

Нолан закрыл глаза на долю секунды, словно собираясь с силами, а когда открыл — в них уже не осталось ни тени иронии.

— Ты хоть понимаешь, что ты со мной делаешь всю дорогу от этого проклятого музея? — почти прорычал он, и его свободная рука легла на ее голое бедро, сжимая теплую кожу так крепко, что у нее вырвался тихий вздох, и притягивая ее по скользкому кожаному сиденью вплотную к себе.

Теперь она сидела практически у него на коленях.

И даже сквозь плотную ткань его брюк и тонкий шелк своего платья Лоран безошибочно почувствовала тяжелую, твердую выпуклость его возбуждения, упершуюся ей прямо между разведенных ног.

От этого откровенного физического контакта у нее перед глазами поплыли темные круги. Пальцы Лоран сами собой сжали его мокрую рубашку на плечах, а бедра непроизвольно качнулись вперед, ища большего трения.

Нолан глухо застонал сквозь стиснутые зубы, его голова метнулась вперед, и он уткнулся лбом в изгиб ее шеи, тяжело, прерывисто дыша прямо в ее разгоряченную кожу.

— Черт возьми, Лоран... — его губы мазнули по пульсирующей жилке у ее ключицы — горячо, влажно, почти болезненно, заставляя ее выгнуться в пояснице и запрокинуть голову. — У тебя пульс под двести, ты босая на ледяной парковке, а я думаю только о том, как задрать это чертово платье и взять тебя прямо здесь, на баке этого байка.

От грубой, неприкрытой откровенности его слов по спине Лоран прокатилась дрожь такой силы, что свело пальцы на ногах. С ней никогда — ни один мужчина в ее жизни — не говорил с такой первобытной, голодной прямотой, от которой слетали все светские маски и хотелось только одного: сорвать с него одежду и позволить сделать все, что он только что пообещал.

— И почему ты этого не делаешь? — прошептала она, запуская пальцы в его влажные волосы на затылке и пытаясь поднять его лицо к своему рту.

Нолан поднял голову. Его губы остановились в миллиметре от ее губ — она чувствовала вкус никотина и мятной жвачки в его дыхании.

— Потому что у тебя ноги ледяные, Вейл, и на руке синяки от того ублюдка, — хрипло выговорил он, глядя ей прямо в глаза. — А когда я доберусь до тебя по-настоящему, я хочу, чтобы ты думала только обо мне. И чтобы мне не мешал руль мотоцикла.

Не давая ей опомниться, он одним мощным движением поднялся с байка, подхватывая ее под ягодицы.

Лоран тихо вскрикнула от неожиданности, инстинктивно обвивая его торс ногами и цепляясь руками за широкие плечи. Ее босые ступни повисли в воздухе, кожаная куртка задралась, а он прижал ее к себе так крепко и надежно, будто она ничего не весила, хотя одной рукой ему приходилось беречь перебинтованные костяшки.

— Пусти, я могу идти сама! — выдохнула она ему в ухо, хотя сама только сильнее сжала бедра на его талии, снова ощущая, как его возбужденная плоть твердо упирается в самое чувствительное место сквозь тонкую ткань.

— По этому бетону босиком ты пройдешь только через мой труп, — отрезал Нолан, широким шагом направляясь к стеклянным дверям приватного лифта в углу бокса. — Сиди смирно и не ерзай, Вейл. Иначе до десятого этажа мы точно не доедем.

В кабине лифта со зеркальными стенами он прижал ее спиной к прохладному металлу поручня, удерживая на весу одними руками под бедрами, и не сводил с ее раскрасневшегося лица тяжелого, пылающего взгляда все двадцать секунд подъема, пока двери наконец не разъехались прямо в темной прихожей его пентхауса.

Глава 10. Порог безумия

Створки лифта бесшумно разошлись, выпуская их прямо в темное чрево пентхауса.

Нолан сделал три широких шага вперед и опустил Лоран на пол только тогда, когда за их спинами с глухим щелчком заблокировалась панель вызова.

Под ее босыми, озябшими ступнями оказалось теплое дерево — в полах явно работал подогрев.

Свет он включать не стал.

В этом не было нужды: вся противоположная стена огромной двухуровневой гостиной представляла собой сплошное панорамное стекло от пола до потолка, и сквозь него внутрь лилось густое, пульсирующее золотом и неоном зарево ночного Лос-Анджелеса. Город лежал далеко внизу у подножия холмов, расчерченный бесконечными огненными артериями хайвеев, и в этом призрачном свете очертания предметов в квартире казались резкими и графичными: темный силуэт кабинетного рояля в углу, широкий кожаный диван, грифы гитар на стойках у кирпичной стены.

Лоран стояла посреди прихожей, пытаясь заставить свои ноги перестать дрожать после поездки и того, как он нес ее в лифте.

Пальцы с трудом ухватили бегунок молнии у горла. Металл с тихим звоном побежал вниз. Она сбросила с плеч его тяжелую байкерскую куртку, и Нолан поймал ее на лету левой рукой, не глядя отбросив на длинную деревянную скамью у входа.

В воздухе сразу стало меньше тепла.

Лоран осталась в своем темно-синем вечернем платье — измятом, пропахшем ночным ветром, бензином и его парфюмом. Узел, который Нолан завязал на ее бедре во дворе музея, немного ослаб, и тяжелый шелк медленно, с тихим шорохом распустился, скользнув вниз по ее голым ногам к самым щиколоткам. Но открытая до поясницы спина и плечи мгновенно покрылись мелкими мурашками — то ли от работающего где-то под потолком кондиционера, то ли от того, как близко стоял хозяин квартиры.

Нолан не двигался.

Он замер в полушаге позади нее. Лоран не видела его лица, но всей кожей спины ощущала исходящий от него жар и слышала его дыхание — все еще глубокое, чуть хриплое, не успевшее успокоиться после парковки.

— Ванная по коридору направо, — его голос в тишине огромного помещения прозвучал низко, с глухой вибрацией, от которой у нее внутри снова все сжалось. — Иди умойся. Я принесу лед для руки и аптечку.

Лоран медленно повернулась к нему лицом.

В золотистом отсвете окон Нолан выглядел так, будто сошел с обложки какого-то мрачного, запрещенного к показу фильма. Белая рубашка расстегнута почти до середины груди, влажная ткань облепила рельефные плечи и ключицы, темные волосы растрепаны после шлема, а на правом кулаке сквозь ослабевший бинт темнело свежее пятно крови — все-таки сорвал корку с разбитых костяшек, пока выжимал тугое сцепление на серпантине.

— А себе ты аптечку принести не хочешь, Кросс? — тихо спросила она, кивнув на его кисть.

Он даже не посмотрел вниз. Только небрежно дернул здоровой рукой конец развязанного черного галстука-бабочки, все еще висевшего вокруг воротника, и стянул его с шеи, бросив следом за курткой.

— До свадьбы заживет, — буркнул он, направляясь было к кухонному острову, отделявшему прихожую от зала. — А вот у тебя на руке следы от пальцев того ублюдка. И ты, кажется, забыла написать Стелле, что мы доехали. Через пять минут она вызовет сюда спецназ.

— Я написала ей еще в лифте, пока ты пытался просверлить во мне дыру взглядом, — парировала Лоран.

Нолан остановился у края мраморной столешницы и обернулся через плечо.

— Я смотрел, чтобы ты не упала.

— Ты держал меня на весу обеими руками, Нолан. Куда бы я упала?

Он промолчал, тяжело глядя на нее из-под сдвинутых бровей, а затем развернулся к холодильнику, с глухим стуком выдвинул морозильный ящик и зачерпнул горсть кубиков льда в чистое кухонное полотенце.

Лоран смотрела на его широкую спину, на то, как под тонким хлопком рубашки перекатываются мышцы при каждом движении, и чувствовала, как внутри нее поднимается странная, пьянящая волна упрямства.

Он опять пытался включить режим спасателя. Отодвинуться на безопасную дистанцию, дать ей воды, приложить лед, уложить спать и сделать вид, будто пять минут назад на парковке он не прижимал ее к себе так, что у обоих темнело в глазах, и не говорил своим хриплым, срывающимся голосом о том, как хочет взять ее прямо на баке мотоцикла.

Хватит.

Всю ее жизнь люди вокруг решали, что ей сейчас нужно: успокоиться, промолчать, улыбнуться, лечь поспать, выпить таблетку.

Но сегодня она не хотела успокаиваться.

Лоран пересекла прихожую — совершенно бесшумно босыми ногами по теплому паркету — и остановилась прямо за его спиной у кухонного острова.

Нолан почувствовал ее приближение раньше, чем услышал. Его плечи мгновенно каменно напряглись. Он медленно повернулся, сжимая в левой руке сверток со льдом, а правой опираясь о край столешницы.

Лоран не дала ему произнести ни слова.

Она шагнула вплотную, взяла его за правое запястье выше повязки и подняла его руку между ними, принимаясь осторожно разматывать сбившийся, запачканный кровью бинт.

— Лоран, не надо, — глухо произнес он, но руку не выдернул — только замер, глядя сверху вниз на ее склоненную голову и рассыпавшиеся по голым плечам темные локоны.

— Помолчи, — спокойно ответила она, освобождая его ладонь от ткани. — На пожарной лестнице я уже видела, как ты лечишься святым духом. Считай это ответной любезностью за спасенные туфли.

Кожа на его костяшках снова треснула в двух местах. Лоран забрала из его левой руки узелок со льдом и мягко, но настойчиво прижала холодную влажную ткань не к своему предплечью, а к его сбитым суставам.

Нолан шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы — даже не от холода, а от того, как ее тонкие, теплые пальцы обхватили его широкую ладонь снизу, удерживая компресс, а большой палец медленно погладил внутреннюю сторону его запястья, прямо там, где под кожей тяжело и часто билась вена.

— Твоя рука выглядит хуже моей, — тихо сказала Лоран, поднимая на него глаза.

Они стояли так близко, что подол ее платья касался его брюк, а от его распахнутой на груди рубашки шло ощутимое, густое тепло.

Взгляд Нолана опустился к ее предплечью, где на бледной коже отчетливо темнели четыре пятна от пальцев Джулиана. В его глазах снова полыхнуло то самое темное, холодное бешенство, которое она видела в коридоре музея.

Он убрал ее руку со льдом со своих костяшек, перехватил компресс здоровой ладонью и сам приложил его к синякам выше ее локтя.

Лоран вздрогнула от резкого холода, но не отступила ни на миллиметр.

— Он не должен был к тебе прикасаться, — голос Нолана упал до низкого, вибрирующего шепота. Его свободная рука поднялась и осторожно, почти благоговейно коснулась ее скулы, поправляя выбившуюся прядь волос. — Если бы ты меня не остановила в том коридоре, я бы убил его голыми руками. Плевать на камеры и полицию.

От того, с какой спокойной, пугающей убежденностью он это сказал, у Лоран перехватило дыхание.

Никто никогда не вставал за нее так. Отец всегда думал о контрактах и репутации студии. Бывшие парни заботились о том, как они смотрятся рядом с ней на красной дорожке. А этот человек, с которым они были знакомы без малого несколько дней, готов был пустить под откос собственную жизнь просто потому, что кто-то посмел сделать ей больно.

— Я рада, что ты не пошел в зал, — прошептала она, прижимаясь щекой к его горячей, шершавой от гитарных мозолей ладони. — Потому что тогда бы ты сейчас сидел в участке, а не здесь. Со мной.

Нолан замер. Его большой палец медленно провел по ее нижней губе — там, где еще с семейного ужина осталась крошечная, почти зажившая ранка, — и остановился в уголке рта.

Компресс со льдом забыто соскользнул с ее руки и с глухим стуком упал на мраморную столешницу позади него.

В полумраке кухни стало так тихо, что Лоран слышала, как тает лед в полотенце и как прерывисто, тяжело дышит Нолан. Его глаза потемнели до черноты, взгляд приковался к ее приоткрытым губам с такой откровенной, неприкрытой жадностью, что у нее внизу живота снова скрутилась тугая, горячая пружина, а колени сделались ватными.

— Тебе пора идти спать, Вейл, — хрипло выговорил он, но его пальцы на ее щеке только сильнее сжали кожу, скользя к затылку и зарываясь в волосы. — Прямо сейчас. Пока я еще соображаю, что делаю.

— А если я не хочу спать? — Лоран шагнула вплотную, входя в пространство между его разведенными ногами у края острова, и положила обе ладони на его грудь, прямо под распахнутый ворот рубашки.

Под ее пальцами его кожа была обжигающей, а сердце колотилось так бешено, будто пыталось пробить ребра. Она медленно повела ладонями вверх, ощущая жесткий рельеф грудных мышц, ключицы, тонкую серебряную цепочку на шее, и расстегнула еще две пуговицы на его рубашке.

Нолан издал низкий, сдавленный звук — не то стон, не то рычание — и его левая рука мгновенно легла на ее обнаженную талию в вырезе платья, одним резким движением впечатывая ее тело в свое.

Лоран ахнула, запрокидывая голову.

Теперь между ними не осталось никаких преград, кроме тонкого слоя ткани. Она всем животом и бедрами почувствовала тяжелую, каменную твердость его возбуждения, упершуюся ей прямо в пах, и от этого ощущения по ее позвоночнику прокатилась такая острая, сладкая судорога, что пальцы сами собой впились в его плечи.

— Лоран... — он склонился к ней так низко, что его губы мазнули по ее губам, обдавая горячим дыханием с привкусом виски и мяты. — Ты сейчас на адреналине после этого дерьма в музее. Ты не понимаешь, чего просишь.

— Заткнись со своим благородством, Кросс! — выдохнула она ему прямо в рот, дерзко, почти зло сжимая в кулаках края его рубашки и притягивая его к себе. — Я взрослая женщина, а не хрустальная кукла! Я хотела, чтобы ты поцеловал меня еще на том проклятом паркинге, и если ты сейчас снова попытаешься отправить меня пить водичку...

Он не дал ей договорить.

С рычащим выдохом Нолан развернул ее в кольце рук, вжал спиной в прохладный торец кухонного острова и накрыл ее рот своим.

Это не было осторожным, разведывательным касанием.

В этом поцелуе взорвалось все напряжение последних дней: ночная лестница, украденные взгляды через зал, безумная гонка по ночному городу и сдерживаемая до боли страсть. Его губы были горячими, жесткими, требовательными; он целовал ее так глубоко и жадно, словно пытался выпить до дна, не оставляя ни единого шанса на отступление.

У Лоран земля ушла из-под босых ног.

Она застонала ему в рот, обвивая руками его шею и запуская пальцы в густые влажные волосы на затылке, а когда его язык властно скользнул между ее губ, ответила с таким же отчаянным, бесстыдным голодом, прижимаясь к нему всей грудью.

Руки Нолана словно сошли с ума.

Его широкая ладонь скользнула по ее полностью обнаженной спине вниз, обжигая каждый позвонок, легла ниже поясницы, сжимая ягодицу сквозь тонкий шелк платья, и одним мощным рывком подняла ее вверх, усаживая на край мраморной столешницы.

Лоран даже не почувствовала холода камня под бедрами.

Она сама раздвинула ноги, впуская его между своих колен, и скрестила лодыжки у него на пояснице, притягивая его таз вплотную к своему.

Нолан оторвался от ее распухших, горящих губ всего на секунду — только чтобы судорожно перевести дыхание и проложить дорожку жестких, кусающих поцелуев по линии ее челюсти вниз, к тонкой шее, к бешено бьющейся жилке у ключицы, где он задержался, втягивая нежную кожу губами так сильно, что у Лоран перед глазами рассыпались белые искры.

— Господи, Нолан... — вырвалось у нее хриплым, срывающимся шепотом, когда она выгнулась дугой в его руках, подставляя грудь.

Под темно-синим шелком без белья ее соски затвердели до почти болезненной чувствительности, и когда его ладонь поднялась от ее талии вверх, накрывая грудь прямо поверх ткани и сжимая с тяжелой, собственнической нежностью, Лоран закусила губу, чтобы не закричать в голос в гулкой тишине пентхауса.

А его бедра в этот момент качнулись вперед — тяжело, ритмично, вжимая твердую выпуклость под тканью брюк прямо между ее ног.

Лоран судорожно вздохнула, ее пальцы рванули его рубашку с плеч, срывая оставшиеся пуговицы, которые с сухим щелканьем разлетелись по паркету. Ладони наконец коснулись его голой груди и пресса — раскаленной, чуть влажной кожи, твердых мышц, шероховатых линий татуировок.

Другая рука Нолана уже скользнула по ее обнаженному в разрезе бедру вверх, подбирая сбившийся шелк платья все выше, к самому краю тонких шортиков, его пальцы обожгли внутреннюю сторону бедра в сантиметре от того места, где все пульсировало от невыносимой, влажной жажды...

И вдруг его взгляд, затуманенный, почти черный от желания, зацепился за ее левую руку, которой она опиралась о столешницу, чтобы не упасть назад.

В падающем из окна желтом свете уличных огней на ее бледном предплечье с пугающей четкостью чернели багровые отпечатки чужих пальцев. А когда она запрокинула голову, открывая шею для его поцелуев, по ее ребрам пробежала крупная, неконтролируемая дрожь — тело, перегруженное за один вечер ужасом, унижением, дикой скоростью и этой сокрушительной вспышкой страсти, начинало сдавать от переизбытка эмоций.

Нолан замер.

Буквально окаменел между ее бедер.

Его пальцы на кромке ее белья сжались в кулак, не двигаясь дальше ни на миллиметр. Грудь под распахнутой рубашкой ходила ходуном, словно он только что пробежал марафон.

Лоран медленно открыла глаза, ничего не понимая сквозь горячий туман в голове.

— Нолан?.. — ее голос звучал совсем пьяно и беззащитно; она подалась бедрами вперед, пытаясь вернуть его движение, его руки, его рот. — Почему ты... Не останавливайся, пожалуйста...

Он с глухим, почти мучительным стоном уткнулся лбом в ее плечо, зажмуриваясь так крепко, что побелела кожа на скулах. Несколько секунд он просто стоял так, вдыхая запах ее волос и сжимая края мраморной столешницы по бокам от ее бедер с такой силой, будто пытался раскрошить камень.

Затем он медленно поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза.

В его взгляде бушевал настоящий ад — неприкрытое, дикое физическое вожделение боролось там с чем-то гораздо более глубоким и страшным.

— Посмотри на себя, Вейл, — хрипло, с надрывом произнес он, осторожно накрывая ладонью ее мелко дрожащие пальцы. — Тебя колотит. Тебя час назад зажал в углу ублюдок, от которого мы уходили на ста милях в час.

— Мне плевать на него! — в глазах Лоран блеснули злые, горячие слезы от этого резкого, почти физически болезненного обрыва на самом пике. Гордость взвилась на дыбы: она только что практически срывала с него одежду, стонала у него в руках, а он снова включает тормоза! — Не смей делать из меня жертву, Кросс! Я здесь не из-за Джулиана! Я хочу тебя, черт возьми! Неужели так трудно просто...

Она попыталась спрыгнуть со стола и оттолкнуть его в грудь, сгорая от унижения, но Нолан не пустил.

Он шагнул обратно вплотную между ее разведенных коленей, перехватил обе ее руки за запястья и жестко прижал к своей обнаженной груди, прямо поверх бешено колотящегося сердца.

— Трудно?! — его голос сорвался на низкий, хриплый рык. — Ты думаешь, мне сейчас легко остановиться, когда ты сидишь передо мной на столе в этом чертовом платье и смотришь на меня такими глазами?! Да у меня сейчас крышу сносит так, что я собственного имени не помню!

Лоран замерла, глядя в его искаженное внутренней борьбой лицо и ощущая под ладонями гулкие, тяжелые удары его сердца.

— Тогда какого черта, Нолан?! — выдохнула она. — Если дело не в Бьянке и не в жалости — почему ты отталкиваешь меня?!

Нолан тяжело сглотнул. Мышцы на его челюсти перекатились, взгляд стал темным, обнаженным, лишенным всякой привычной рок-н-ролльной брони.

— Потому что с тобой не получится «просто», Лоран, — тихо и страшно серьезно сказал он. — Если бы мне нужно было просто трахнуть красивую женщину, чтобы сбросить напряжение после паршивого вечера — я бы уже пять минут назад сорвал с тебя это платье, и никто из нас не вспомнил бы об этом к обеду.

Она перестала дышать.

— Но это ты, — продолжил он, глядя ей в самую душу. — И я достаточно хорошо знаю свою больную башку, чтобы понимать, чем это закончится для меня. Я не умею дозировать чувства, Вейл. Не умею играть в легкие интрижки, когда женщина забирается мне под кожу так, как забралась ты за эти несколько дней. В прошлый раз, когда я позволил себе так потерять голову и раствориться в человеке без остатка, меня предали так, что я два года собирал себя по кускам со дна бутылки и клинических палат.

Лоран смотрела на него во все глаза, и весь ее гнев, вся обида рассыпались, сменяясь острой, сжимающей горло болью за него.

— Я боюсь не тебя, — глухо закончил Нолан, и его большой палец бережно погладил ее запястье. — Я боюсь того, что завтра утром ты проснешься, придешь в себя после сегодняшнего кошмара и поймешь, что я был просто удобным способом забыться. А для меня после того, как я окажусь внутри тебя, обратной дороги уже не будет. Я подсяду на тебя намертво.

В огромном пентхаусе стояла абсолютная тишина.

Лоран смотрела на этого сильного, опасного, изломанного мужчину, стоявшего перед ней в распахнутой рубашке без пуговиц, со следами ее губ на шее и разбитыми за ее честь костяшками, — и понимала, что за всю ее жизнь никто не говорил ей ничего более честного и сокрушительного.

Он не отвергал ее.

Он защищал их обоих от поспешности, потому что для него это значило слишком много.

Лоран медленно высвободила одну руку из его хватки, подняла ладонь и положила на его колючую щеку. Его ресницы дрогнули, он непроизвольно потерся скулой о ее кожу, как прирученный дикий зверь.

— Ты круглый идиот, Нолан Кросс, — совсем тихо сказала она, и ее голос дрогнул от нежности, которой она сама в себе не подозревала. — Если ты думаешь, что для меня это способ забыться.

Она подалась вперед и сама поцеловала его — уже без прежней лихорадочной ярости, мягко, глубоко и бесконечно нежно, касаясь губами его губ, словно ставя печать под своими словами.

Нолан судорожно выдохнул ей в рот, его руки снова сжали ее талию, но через секунду он бережно подхватил ее со столешницы и поставил босыми ногами на теплый паркет.

— Гостевая спальня в конце коридора, Вейл, — хрипло произнес он, отступая на шаг и проводя ладонью по лицу, словно стирая наваждение. — Возьми в шкафу мою футболку и ложись спать. Если простоишь рядом со мной еще минуту, все мои правильные речи полетят к чертям собачьим.

Лоран посмотрела на него снизу вверх. Ее губы все еще горели от его поцелуев, тело ныло от неутоленного желания, но внутри впервые за долгое время было удивительно тепло и спокойно.

— Хорошо, — она чуть заметно улыбнулась уголком рта, поправляя сбившуюся бретельку платья. — Я пойду спать. Но учти, Кросс: утром у тебя больше не будет оправдания про мой шок и плохой вечер.

Нолан проводил ее долгим, потемневшим взглядом, когда она развернулась и пошла по коридору в глубину квартиры, покачивая бедрами в разорванном шелке, и тихо выругался себе под нос, понимая, что эта ночь будет самой длинной в его жизни.

ЧАСТЬ II. Обнажение связок и плоти

Глава 11. Голос раненого зверя

Лоран проснулась ровно в шесть пятнадцать утра от трех вещей одновременно: зверского, совершенно негламурного урчания в животе, солнечного зайчика, нагло бьющего прямо в левый глаз сквозь неплотно сдвинутую штору, и оглушительного осознания того, что вчера ночью она сидела верхом на кухонном острове рок-звезды, срывала с него рубашку и практически умоляла не останавливаться.

Она резко села на огромной кровати, запутавшись ногами в простыне из египетского хлопка, и с тихим стоном уронила лицо в ладони.

— Боже мой, — пробормотала она в пустоту спальни. — Боже правый, Вейл, скажи, что тебе это приснилось после удара головой о руль мотоцикла.

Но ничего не приснилось.

Губы все еще были чувствительными и чуть припухшими от его жестких, голодных поцелуев, на шее у ключицы наверняка красовался засос, а кожа на бедрах до сих пор помнила хватку его горячих, шершавых от гитарных мозолей пальцев.

И его слова.

«Для меня после того, как я окажусь внутри тебя, обратной дороги уже не будет. Я подсяду на тебя намертво».

От одного воспоминания о том, каким низким, надтреснутым голосом Нолан это произнес, прижимая ее руки к своей обнаженной груди, у Лоран снова перехватило дыхание, а по позвоночнику вниз к животу прокатилась теплая, тягучая волна.

Она откинула одеяло и спустила босые ноги на пол.

На ней была его черная футболка, которую она вчера ночью вытащила из верхнего ящика комода. Выцветший хлопок с полустертым логотипом какого-то андеграундного лондонского клуба был мягким, как вторая кожа, безбожно широким в плечах и едва доходил ей до середины бедра. Но главное — ткань насквозь пропахла самим Ноланом: терпким кедром, дымом, чистым мужским телом и чем-то неуловимо уютным, от чего она вчера вырубилась почти мгновенно, едва коснувшись головой подушки, хотя была уверена, что не сомкнет глаз до рассвета.

Вчерашнее вечернее платье темно-синей бесформенной лужей валялось на полу у кресла. Надевать его обратно утром было бы верхом идиотизма, а никакой другой одежды в гостевой спальне не наблюдалось.

Лоран подошла к зеркалу над комодом и критически оглядела себя.

Волосы после сна и ночной гонки в шлеме превратились в живописное воронье гнездо, тушь слегка отпечаталась под нижними веками, зато глаза впервые за много недель были ясными, без привычной затравленной мути, а на щеках играл живой румянец. В слишком длинной мужской футболке, сползающей с одного плеча, и с голыми ногами она выглядела как классическое клише из утренних сцен романтических комедий.

— Ладно, — прошептала она своему отражению, пытаясь хотя бы пятерней пригладить непослушные локоны. — Сейчас ты тихо выйдешь на кухню, выпьешь стакан воды, найдешь свою куртку с телефоном и вызовешь такси, пока он дрыхнет. Никаких неловких утренних столкновений.

План был отличный. Надежный, как швейцарские часы.

Ровно до того момента, как она осторожно приоткрыла дверь и выскользнула в коридор.

В пентхаусе стояла гулкая утренняя тишина, нарушаемая только едва слышным гулом системы климат-контроля. Из-за плотно закрытой двери хозяйской спальни в дальнем крыле не доносилось ни звука.

Лоран на цыпочках прошла в огромную гостиную.

При свете раннего калифорнийского утра квартира Нолана Кросса впечатляла еще сильнее, чем ночью. Над Лос-Анджелесом за панорамными окнами висела прозрачная золотисто-розовая дымка смога и океанского тумана; солнце только поднималось из-за далеких горных хребтов, заливая просторный зал косыми медовыми лучами.

Здесь не было стерильной музейной роскоши, которую так обожала ее мать. Кирпичная кладка одной стены соседствовала с грубыми деревянными балками под потолком; на полу у дивана громоздились стопки виниловых пластинок и книг по истории музыки, на стойках матово поблескивали лаком четыре гитары — две акустические и два потертых «Фендера», видевших, судя по царапинам на деках, не один десяток стадионов.

На кухонном острове все еще лежало мокрое полотенце с растаявшим льдом, а на паркете у барного стула белели две оторванные вчера пуговицы от его смокинга.

Лоран остановилась, глядя на эти пуговицы, и почувствовала, как предательски нагреваются уши.

Быстро отвернувшись, она налила себе из фильтра полный стакан воды, выпила залпом и уже собиралась забрать со скамьи в прихожей свою сумочку, когда ее взгляд упал на угол у самого окна.

Там, прямо в потоке утреннего солнца, стоял кабинетный рояль *Steinway*.

Крышка над клавишами была поднята. На пюпитре веером лежали исписанные от руки нотные листы, вся поверхность черного лака была усеяна пометками, сделанными огрызком простого карандаша, а рядом пристроились пустая кофейная чашка и медиатор.

Ноги сами понесли Лоран туда прежде, чем успел включиться разум.

В доме ее родителей стоял точно такой же белый рояль в парадной зале. К нему полагалось приближаться только с идеально прямой спиной и вымытыми руками, чтобы сыграть гостям Шопена и выслушать снисходительный комментарий матери: «Лоран у нас очень старательная, но, конечно, музыка — это просто милая гимнастика для пальцев, не более того».

После двадцати лет, когда мать окончательно похоронила ее мечту о музыкальном театре одной ледяной фразой про «дешевую самодеятельность», Лоран почти перестала подходить к инструменту при людях. Только тайком — в пустых репетиционных павильонах или по ночам, когда задыхалась от тревоги и одиночества.

Она подошла к роялю Нолана и осторожно провела кончиками пальцев по деревянному краю.

Здесь музыка не была декорацией для гостей. Здесь ею жили, дышали, мучились над каждой строчкой — она видела яростные зачеркивания на нотной бумаге, где грифель карандаша буквально прорвал плотный лист.

Лоран присела на самый краешек кожаной банкетки, поджав под себя одну босую ногу, так что подол футболки задрался еще выше, открывая бедро.

Она не собиралась играть громко.

Просто положила пальцы на прохладную слоновую кость клавиш — беззвучно, только примериваясь к весу механики. А затем мягко, почти шепотом взяла первый аккорд.

Глубокий, бархатный, чуть печальный звук поплыл по залитой солнцем гостиной, отражаясь от высоких потолков.

У Лоран внутри что-то болезненно и сладко дрогнуло. Пальцы сами вспомнили знакомую последовательность — ту самую песню без названия, которую она писала в голове последние два года по кусочкам: в гримерках, на задних сиденьях лимузинов, в туалетных кабинках перед кастингами, когда ей казалось, что она вот-вот задохнется в своей золотой клетке.

Левая рука повела тихий, пульсирующий, как неровное сердцебиение, ритм в басах, а правая рассыпала поверх него хрупкую, прозрачную мелодию.

Лоран прикрыла глаза, отпуская мысли, и тихо запела.

«В комнате, полной чужих зеркал, Я учусь улыбаться без звука. Кто-то за дверью опять сказал, Что покорность — простая наука...»

Сначала ее голос звучал совсем негромко — низкий, грудной, чуть шершавый после короткого сна, с той редкой дымчатой хрипотцой на нижних нотах, которую невозможно подделать техникой.

Но с каждым тактом мелодия затягивала ее глубже.

Исчез пентхаус. Исчезли страхи. Осталась только музыка, которая годами копилась у нее под ребрами, требуя выхода.

Ко второму куплету ее плечи расправились, подбородок чуть приподнялся, а пальцы заходили по клавишам увереннее и жестче. Она пела о девочке, которая стоит на краю освещенной сцены в ослепительном платье из чужих ожиданий и мечтает только об одном — чтобы погасли проклятые софиты и кто-нибудь увидел ее настоящую в темноте.

Подошел припев.

Мелодия взметнулась вверх, требуя полной отдачи, открытого дыхания, того самого бесстрашного полета на пределе связок, за который в детстве ее одергивали.

Лоран сделала глубокий вдох и взяла верхнюю ноту — мощно, чисто, пронзительно, так, что густой, звенящий драматическим надрывом звук заполнил собой все огромное пространство зала до последнего миллиметра. По ее собственной коже от затылка до пяток побежали крупные мурашки...

И вдруг на самой вершине фразы, там, где голос должен был раскрыться в финальном крике свободы, у нее в голове привычным, вбитым на подкорку рефлексом щелкнул внутренний тормоз.

Слишком громко. Ты кричишь. Не устраивай сцену.

Горло мгновенно перехватило спазмом. Лоран резко оборвала ноту на полуслове, пальцы соскользнули с клавиш, взяв фальшивую, режущую слух секунду, и она открыла глаза.

Прямо перед ней, в зеркальной полировке черной крышки рояля, отражался Нолан.

У Лоран сердце рухнуло куда-то в пятки.

Он стоял у входа в коридор, привалившись здоровым плечом к кирпичному выступу стены. Босой, в одних темно-серых трикотажных штанах, сидевших на узких бедрах так низко, что была отчетливо видна жесткая косая линия мышц живота, уходящая под резинку. Его обнаженный торс в утреннем свете казался высеченным из бронзы и покрытым причудливой вязью черных татуировок, которые начинались у левой ключицы, оплетали плечо и спускались по ребрам. Влажные после душа волосы падали на лоб.

Но не его полуголый вид заставил Лоран забыть, как дышать.

А то, какими глазами он на нее смотрел.

В его взгляде не было ни утренней сонливости, ни привычной ленивой насмешки. Он смотрел на нее в упор — тяжело, неотрывно, почти ошеломленно, словно перед ним посреди его гостиной только что материализовалось чудо, в существование которого он давно перестал верить. Его грудь медленно вздымалась, а пальцы левой руки до белизны в костяшках сжимали край белого махрового полотенца, перекинутого через шею.

Лоран мгновенно вспыхнула от макушки до ключиц — ее будто застали за чем-то совершенно непристойным, куда более интимным, чем вчерашние поцелуи на кухне.

Она с грохотом опустила крышку клавиатуры и вскочила с банкетки, судорожно одергивая вниз его черную футболку, которая тут же предательски оголила одно плечо.

— Ты что, подкрадываться учился у ниндзя, Кросс?! — выпалила она, скрещивая руки на груди, чтобы скрыть, как от его взгляда и собственной неловкости мгновенно напряглись соски под тонким хлопком. — Подслушивать — это верх свинства!

Нолан даже не шелохнулся от ее вспышки.

Он медленно отлепился от стены и пошел к ней через зал — мягким, хищным шагом человека, который прекрасно осознает свою силу и не видит смысла торопиться.

— Во-первых, это моя квартира, Вейл, — его утренний голос, еще более низкий и хриплый, чем вчера ночью, прокатился по комнате такой густой вибрацией, что у Лоран подкосились колени. — Во-вторых, я не подкрадывался. Я стоял там последние три минуты. И ты бы меня заметила, если бы не закрывала глаза, когда берешь соль минор.

— Я не брала соль минор!

— Во втором такте куплета — брала, — спокойно отрезал он, останавливаясь в двух шагах от нее. — И переходила в до мажор через задержанную терцию. Очень красивый ход, кстати.

Лоран прикусила язык, чувствуя, как рушится ее привычная защита. С ним невозможно было отшутиться общими фразами — он слышал в музыке все, до последней фальшивой интонации.

Она отвела глаза к окну, стараясь выглядеть максимально равнодушной:

— Ладно. Извини, что разбудила и трогала твой инструмент без спроса. У тебя просто стояли ноты, я... решила вспомнить пальцами. Я уже ухожу.

Она сделала шаг в сторону, намереваясь обойти рояль и ретироваться в спальню за вещами, но Нолан двинулся наперерез.

Он просто шагнул вперед, преграждая ей путь своей широкой обнаженной грудью, и оперся одной ладонью о крышку рояля, а второй — о спинку банкетки, поймав ее в кольцо своих рук.

Лоран замерла.

От него на расстоянии вытянутой ладони шло такое ощутимое, чистое тепло, смешанное с ароматом мятного геля для душа и свежесваренного кофе (видимо, он уже успел включить кофемашину, пока она спала), что у нее закружилась голова. Ей приходилось задирать подбородок, чтобы смотреть ему в лицо, и это положение — зажатая у рояля в одной его футболке перед полуголым мужчиной — совершенно выбивало почву из-под ног.

— Куда это ты собралась? — тихо спросил Нолан, глядя на нее сверху вниз.

— Домой. Мне нужно переодеться и...

— Домой ты не поедешь, пока не ответишь мне на два вопроса.

Она нахмурилась, упираясь ладонями в его живот, чтобы удержать хотя бы минимальную дистанцию, но сделала только хуже: под пальцами тут же ощутились твердые, горячие кубики пресса и тонкая дорожка темных волос, уходящая под пояс штанов.

Лоран поспешно отдернула руки, словно обожглась.

Нолан проследил за этим движением, и в глубине его темных зрачков мелькнула опасная, понимающая искра, но с темы он не свернул:

— Вопрос первый. Кто написал эту песню?

— Какая разница? — буркнула она, глядя в яремную впадинку у него на шее. — Это просто старый набросок. Ничего серьезного.

— Посмотри на меня, Лоран.

Она неохотно подняла взгляд к его глазам.

— Ты написала музыку и текст сама?

— Да, — с вызовом бросила она, вздернув подбородок. — И что? Можешь начинать упражняться в остроумии на тему поющих голливудских актрис, которые лезут не в свое дело. Я эту пластинку от своей матери слушаю с пятнадцати лет: «Не позорься, дорогая, у тебя милый камерный голосок для домашних вечеров, но для большой сцены ты слишком зажата». Так что удиви меня чем-нибудь новым!

Она выпалила это на одном дыхании, ожидая чего угодно — снисходительной улыбки профессионала, вежливого кивка, смены темы.

Вместо этого лицо Нолана каменно затвердело.

Он наклонился к ней так близко, что его губы оказались в нескольких сантиметрах от ее лица, а здоровая левая рука поднялась и обхватила ее за подбородок — не грубо, но властно, не позволяя отвернуться или опустить глаза.

— Знаешь, почему твоя мать говорила тебе эту чушь, Вейл? — жестко, чеканя каждое слово, спросил он. — Не потому, что ты зажата. А потому, что она до чертиков боялась, что в день, когда ты откроешь рот на настоящей сцене, от ее дутого величия не останется даже мокрого места.

У Лоран перехватило дыхание. Глаза расширились.

— У тебя три с половиной октавы рабочего диапазона, природное грудное вибрато и такая подача текста, от которой у меня сейчас в коридоре волосы на руках дыбом встали, — продолжал Нолан, глядя ей прямо в зрачки своим темным, гипнотическим взглядом. — Я за десять лет в этой индустрии прослушал тысячи вокалисток, Лоран. Половина нынешних поп-звезд из первой десятки чартов душу бы дьяволу продали за десятую часть твоего тембра.

В груди у нее вдруг стало так тесно и горячо, что защипало в носу.

Она привыкла к лести. Привыкла к пустым восторгам прихлебателей на вечеринках. Но Нолан Кросс не льстил — он говорил о музыке с той яростной, почти религиозной честностью, с какой относился к собственному делу.

— И отсюда второй вопрос, — его голос стал тише, а большой палец медленно, ласково провел по ее нижней губе, заставляя Лоран вздрогнуть всем телом. — Какого черта ты оборвала припев на верхней ноте за секунду до того, как увидела меня?

Она сглотнула, чувствуя, как его палец касается ее кожи.

— Я... испугалась, что сорвусь.

— Не ври мне, — мягко сказал он. — Ты стояла на идеальной опоре. Ты не сорваться испугалась. Ты испугалась зазвучать в полную силу. Будто ждала, что сейчас откроется дверь и тебя снова ткнут носом в то, что ты смеешь чувствовать слишком громко.

Лоран смотрела на него снизу вверх, не в силах вымолвить ни слова.

Как он это делал? Как этот мужчина, знавший ее всего несколько дней, умудрялся заглядывать прямо под те железные замки, которые она выстраивала вокруг себя годами, и называть вещи своими именами так просто, будто читал открытую книгу?

— Я давно не пела для кого-то, — шепотом призналась она, и в этом коротком признании было больше обнаженности, чем если бы она стояла перед ним совершенно голой. — Только для себя. Когда совсем паршиво.

Взгляд Нолана смягчился, став таким теплым и глубоким, что у Лоран внутри все перевернулось.

Его рука скользнула с ее подбородка по шее вниз, задела край ворота его черной футболки на ее ключице и остановилась там, где под тонкой кожей быстро-быстро бился пульс.

— Больше ты прятать этот голос не будешь, — тихо пообещал он. — Но об этом мы поговорим через десять минут за кофе.

Его глаза медленно опустились ниже — к распахнутому вырезу футболки, к ее груди, вздымающейся от частого дыхания, к бесконечным голым ногам, которые в утреннем солнце казались выточенными из светлого мрамора.

Тонкие ноздри Нолана дрогнули, он шумно втянул воздух, и Лоран буквально увидела, как мгновенно меняется его состояние: серьезный музыкант уступал место мужчине, который вчера ночью оставил половину своего самообладания на кухонном острове.

— А прямо сейчас, — хрипло выговорил он, делая полшага вперед и вжимая ее бедрами в край рояля так, что клавиши под закрытой крышкой глухо отозвались струнами, — у меня есть проблема посерьезнее.

Лоран ахнула, когда его горячий, обнаженный торс коснулся ее груди сквозь тонкую ткань футболки, а тяжелая, совершенно не скрываемая утренняя эрекция под мягким трикотажем его спортивных штанов твердо уперлась ей прямо в низ живота.

От этого прикосновения все утренние сомнения вылетели из ее головы со скоростью пробки из бутылки шампанского.

Волна острого, жидкого пламени ударила вниз живота. Лоран непроизвольно подалась бедрами навстречу этому давлению, а ее руки сами собой легли на его широкие плечи, ощущая под ладонями гладкую, упругую кожу и мелкую дрожь натянутых мышц.

— И какая же у тебя проблема, Кросс? — прошептала она, глядя на его губы из-под полуопущенных ресниц, и в ее голосе прорезалась та самая опасная, пьянящая женская дерзость, которая сводила его с ума вчера. — Ведь сейчас утро. У тебя больше нет отговорки про мой шок и плохой вечер.

Нолан издал низкий, гортанный смешок, от которого по ее груди прошла вибрация, и его левая рука скользнула по ее боку вниз, ухватывая подол черной футболки и медленно подбирая ткань на ее бедре, пока его горячая ладонь не легла прямо на голую кожу ее ягодицы, сжимая и притягивая к себе вплотную.

— Моя проблема, Вейл, в том, что ты вышла в мою гостиную без белья под моей футболкой, — прорычал он ей прямо в губы, склоняясь так низко, что она почувствовала жар его дыхания. — И если ты думаешь, что я после четырех часов ледяного душа не замечу этого с десяти шагов, ты сильно недооцениваешь мое зрение.

Лоран вспыхнула до корней волос, но вместо того, чтобы отстраниться, еще теснее прижалась к нему, запуская пальцы в его влажные волосы на затылке:

— Ты сам вчера не дал мне забрать вещи из машины Стеллы!

— И сейчас готов выписать себе за это премию, — его губы мазнули по уголку ее рта, затем спустились к чувствительной точке под ухом, слегка прикусывая мочку, отчего у Лоран вырвался тихий, судорожный вздох, а пальцы ног поджались на холодном паркете. — Знаешь, о чем я думал с пяти утра, пока варил кофе и слушал, как ты ворочаешься за стеной?

— О чем? — выдохнула она, запрокидывая голову, когда его губы проложили влажную, обжигающую дорожку по ее шее к ключице, прямо поверх вчерашнего следа.

— О том, что если я зайду в твою спальню и стащу с тебя эту футболку, ты решишь, что я воспользовался моментом, — Нолан чуть отстранился, глядя в ее затуманенные желанием глаза, и его ладонь на ее бедре сжалась сильнее, заставляя ее почувствовать каждое движение его возбужденной плоти между их телами. — А мне нужно, чтобы ты выбрала это сама. На трезвую утреннюю голову. Зная все, что я сказал тебе вчера ночью.

Его честность била сильнее любых ласк.

Нолан все еще давал ей шанс отступить. Давал выбор — здесь, при ярком свете дня, без спасительной темноты и адреналина погони.

Но когда его большой палец на ее бедре медленно скользнул чуть ближе к внутренней стороне, едва задевая край самых чувствительных складок, у Лоран внутри все сжалось в такую сладкую, невыносимую судорогу, что она поняла: еще немного этого благородного ожидания — и она сама сойдет с ума.

Она посмотрела прямо в его темные, голодные глаза и медленно провела языком по пересохшим губам.

— Ты сказал, сначала кофе и разговор о песне, — дразняще напомнила она, ведя ногтями по его татуированной груди вниз, к жестким кубикам пресса, и чувствуя, как под ее пальцами судорожно втягивается его живот. — Передумал?

Нолан перехватил ее запястье в сантиметре от пояса своих штанов. В его глазах полыхнуло настоящее черное пламя.

— Еще одно такое движение, Вейл, и кофе остынет до вечера, — глухо предупредил он, но прежде чем отпустить ее, резко подался вперед и поцеловал ее — коротко, глубоко, до звона в ушах и подгибающихся коленей, буквально выпивая с ее губ тихий стон.

А затем, тяжело дыша, отступил на шаг, оставляя ее опираться поясницей о крышку рояля, и кивнул в сторону кухни:

— Живо за стол, пока я еще помню, зачем вообще вышел из спальни. И футболку одерни, ради всего святого, я тоже человек, а не железный памятник!

Лоран смотрела, как он быстро уходит к кухонному острову, поправляя полотенце на шее, и впервые за очень долгое время улыбалась во весь рот — счастливо, предвкушающе и совершенно бесстрашно.

Глава 12. Дьявольский договор

Кофе пах кардамоном, горьким шоколадом и надвигающейся катастрофой для ее нервной системы.

Лоран сидела на высоком барном стуле за мраморным кухонным островом, поджав под себя босые ноги и старательно натягивая подол черной футболки Нолана на колени. Ткань упорно ползла обратно вверх при каждом вздохе.

А дышала Лоран часто.

Потому что Нолан Кросс готовил завтрак в двух метрах от нее, так и не потрудившись надеть рубашку.

Солнце уже окончательно встало над Голливудскими холмами, заливая кухню ярким калифорнийским светом, и в этом безжалостном утреннем освещении его спина представляла собой настоящее испытание для женской выдержки. Широкий разворот плеч, глубокая ложбинка вдоль позвоночника, рельефные лопатки, которые перекатывались под смуглой кожей и черной вязью татуировок каждый раз, когда он взбивал венчиком яйца в стеклянной миске. Серые спортивные штаны держались на его тазовых костях исключительно силой мысли и законами жанра.

Лоран сделала большой глоток горячего кофе, обжигая язык, и попыталась сфокусироваться на чашке.

Не помогало.

На губах все еще пульсировал вкус его короткого, яростного поцелуя у рояля, а между бедер, там, где под футболкой не было ничего, кроме горячего воздуха, до сих пор тянуло сладкой, требовательной пустотой.

— Если ты продолжишь сверлить мне затылок таким взглядом, Вейл, я порежу себе вторую руку, — не оборачиваясь от плиты, заметил Нолан, нарезая помидоры тяжелым шефножом. — И тогда играть на рояле тебе придется за нас двоих.

Лоран фыркнула, отставляя кружку на мрамор.

— Во-первых, я смотрела на сковородку, — беззастенчиво соврала она. — А во-вторых, если тебе так мешает мое внимание, мог бы одеться. У тебя в шкафу закончились футболки?

Нолан повернул голову через плечо и окинул ее медленным, красноречивым взглядом с макушки до голых бедер:

— Лучшая сейчас на тебе. И поверь, я не жалуюсь.

Он вылил яичную смесь на шипящее масло, бросил сверху зелень и томаты, а через пару минут поставил перед ней дымящуюся тарелку с омлетом и поджаренными тостами. Сам же не сел напротив, как сделал бы любой благоразумный человек, а обошел остров и оперся бедром о край столешницы прямо рядом с ее стулом, взяв свою кружку кофе.

От него пахло жаром плиты, свежим базиликом и тем самым чистым, кружащим голову мужским запахом, от которого у Лоран мгновенно перехватило аппетит. Его обнаженное бедро в мягком трикотаже оказалось в паре сантиметров от ее колена.

— Ешь, — скомандовал он, делая глоток кофе. — А пока ты жуешь и не можешь перебивать, я скажу тебе, что мы будем делать с твоей песней.

Лоран замерла с вилкой на полпути ко рту и подозрительно прищурилась:

— Мне уже не нравится формулировка «мы будем делать».

— Привыкай, — невозмутимо отозвался Нолан. — У тебя в голове и в телефоне наверняка лежит еще с десяток таких набросков. Я прав?

Она опустила взгляд в тарелку, ковырнув омлет вилкой:

— Допустим. И что с того? Я уже сказала: это моя личная психотерапия. Кто-то вяжет шарфы, кто-то ходит к мозгоправу, а я пишу в стол.

— Ты не в стол пишешь, Лоран. Ты прячешься в чулан, потому что тебе с детства внушили, что твое место — красиво стоять в кадре и повторять чужие реплики.

Она резко подняла голову, чувствуя, как внутри закипает знакомое упрямое раздражение:

— За эти «чужие реплики» мне четыре дня назад вообще-то дали главную кинонаграду мира, если ты не заметил!

— Заметил, — Нолан поставил кружку и повернулся к ней всем корпусом, упираясь здоровой рукой в спинку ее барного стула, так что Лоран снова оказалась в полукольце его тела. — Я видел тебя на сцене театра «Долби», Вейл. И видел в «Тихой воде». Ты потрясающая драматическая актриса. Но когда ты сегодня утром села за мой рояль и спела две минуты своего текста без всяких камер — в этом было в десять раз больше жизни, боли и секса, чем во всех голливудских сценариях, которые тебе сейчас пытается скормить твой отец.

От слова «секс», произнесенного его низким, хриплым утренним голосом на таком расстоянии, у Лоран по коже пробежала волна мурашек, но она упрямо вскинула подбородок:

— И к чему ты клонишь, Кросс? Предложишь мне записать поп-альбом на лейбле твоего обожаемого Джакса? Спасибо, я вчера видела, как нежно вы общаетесь.

Нолан криво усмехнулся:

— К Джаксу я тебя и на пушечный выстрел не подпущу. И поп-альбом тебе не нужен — ты актриса, тебе нужна сцена, история и живой нерв.

Он выдержал короткую паузу, глядя ей прямо в глаза, и спокойно уронил бомбу:

— Ты напишешь музыкальный моноспектакль. Свои тексты, свои песни. Полтора часа один на один с залом. И мы поставим его на Бродвее.

На кухне повисла такая тишина, что стало слышно, как за окном на террасе чирикает какая-то безумная птица.

Лоран смотрела на него секунду. Две. Три.

А потом положила вилку на тарелку и покрутила пальцем у виска:

— Ты точно вчера головой о бордюр не приложился, когда мы уходили от папарацци? Какой, к черту, Бродвей, Нолан?! Какой моноспектакль?!

— Обыкновенный. В Нью-Йорке. С живым бэндом, который я тебе соберу и спродюсирую.

— Ты спятил! — Лоран даже соскользнула с высокого стула на пол, чтобы не сидеть перед ним, но просчиталась: стоя босиком, она оказалась лицом прямо на уровне его обнаженной татуированной груди, а он даже не подумал отодвинуться. — Во-первых, я никогда в жизни не писала пьес! Во-вторых, у меня сейчас репутация главной непо-истерички Голливуда, от которой шарахаются спонсоры! А в-третьих...

Она осеклась, и весь ее боевой задор вдруг сдулся, уступая место холодному, липкому страху, который она ненавидела в себе больше всего на свете.

Лоран отвела глаза и обхватила себя руками за плечи.

— А в-третьих, ты сам видел меня на пожарной лестнице, — уже совсем тихо и глухо сказала она. — Я задыхаюсь от панических атак, когда на меня смотрят в банкетном зале. В кино всегда есть второй дубль, монтаж и сто человек команды. А на Бродвее ты выходишь под софиты вживую перед тысячей критиков, которые только и ждут, чтобы дочь четы Вейл облажалась и сорвала голос. Я просто не вывезу этого, Нолан. Я сломаюсь прямо на сцене.

Она ждала, что сейчас он начнет говорить банальности в духе «все будет хорошо, ты справишься».

Но Нолан не сказал ничего подобного.

Вместо этого его пальцы — теплые, сильные — легли ей под подбородок и мягко, но неумолимо подняли ее лицо обратно к себе.

Когда она посмотрела на него, в его темных глазах горела такая яростная, непоколебимая убежденность, что у нее перехватило дух.

— Ты задыхалась в том зале не потому, что боишься сцены, Лоран, — низко, почти гипнотически произнес он, глядя ей в самую глубину зрачков. — Ты задыхалась, потому что всю жизнь играешь роль удобной, хорошей девочки для своей матери, отца и кучи лицемеров, которым на тебя плевать. Тебя тошнит от фальши — вот почему твое тело бунтует. А когда ты сегодня пела за роялем свою правду, ты хоть раз вспомнила про панику?

Лоран замерла.

Ведь действительно — не вспомнила. Ни тогда за клавишами, ни вчера на мотоцикле.

— Мне плевать на критиков и на твою фамилию, Вейл, — его большой палец медленно провел по ее скуле, спускаясь к уголку губ, а голос упал до хриплого, интимного шепота, от которого воздух между ними мгновенно наэлектризовался. — Я верю в твой голос больше, чем в собственного бога. Слышишь меня? И я не позволю тебе похоронить этот талант только потому, что пара ублюдков внушила тебе, будто ты слабая.

У Лоран сердце забилось где-то в самом горле — тяжело, гулко, отчаянно.

Никто. Никогда. Так в нее не верил.

От его слов, от жара его обнаженного тела в сантиметре от нее, от того, как собственнически и в то же время бережно он держал ее лицо, у нее внутри все расплавилось. Страх никуда не исчез полностью, но поверх него вдруг поднялась такая пьянящая, дерзкая волна куража и острого физического желания, что у нее задрожали ресницы.

— Ты опасный псих, Кросс, — выдохнула она, не отрывая взгляда от его рта. — Ты хоть понимаешь, что если мы закроемся в одной студии писать это, мы поубиваем друг друга в первый же час? У меня отвратительный характер, когда я работаю.

На губах Нолана появилась медленная, хищная улыбка, от которой у нее подкосились колени.

— А у меня характер просто золото, по-твоему? — он наклонился еще ниже, так что кончик его носа коснулся ее носа, а левая рука скользнула с ее подбородка на затылок, зарываясь пальцами в спутанные темные локоны. — Давай заключим сделку, Вейл. Семьдесят два часа в моей закрытой подвальной студии. Только ты, я, инструменты и твои черновики. Никаких телефонов, никаких продюсеров, никаких мамочек.

— И что будет через семьдесят два часа? — прошептала Лоран, чувствуя, как ее грудь при каждом вдохе касается его голой груди сквозь тонкую футболку.

— Если за три дня мы не напишем материал, от которого у тебя самой пойдут мурашки по коже — я закрою эту тему навсегда и больше ни слова не скажу про Бродвей, — его рука на ее талии сжалась, притягивая ее бедра вплотную к себе, и Лоран снова, еще отчетливее, чем у рояля, почувствовала сквозь тонкий трикотаж его штанов твердую, раскаленную тяжесть его возбуждения, упершуюся ей прямо в живот. — Но если напишем... ты пойдешь со мной до конца и выйдешь на ту сцену.

От этого откровенного давления его плоти и властного тона у Лоран внутри все скрутило в тугой, пульсирующий узел. Дыхание сбилось, внизу живота стало влажно и горячо, а пальцы сами собой вцепились в его крутые, гладкие плечи.

— А какие у меня гарантии, что ты за эти три дня не будешь пользоваться служебным положением, господин продюсер? — голос ее сорвался на низкий, откровенно провокационный шепот; она чуть качнула бедрами вперед, намеренно усиливая трение между их телами, и с наслаждением услышала, как Нолан шумно, сквозь стиснутые зубы втянул воздух.

Его зрачки расширились, затопив радужку абсолютной чернотой. Мышцы под ее ладонями превратились в камень.

— Гарантий никаких, — глухо прорычал он ей прямо в приоткрытые губы, подхватывая ее одной рукой под бедра и легко, будто пушинку, снова усаживая на край мраморной столешницы, прямо рядом с забытой тарелкой завтрака, и вставая между ее разведенных колен. — Более того, Вейл, если ты продолжишь так двигаться, до студии мы вообще не доедем.

Лоран обвила его торс голыми ногами, чувствуя, как подол футболки задирается до самой талии, оставляя ее совершенно открытой перед ним в ярком утреннем солнце. Ей больше не было стыдно. Не было страшно. Она горела от макушки до пяток и хотела этого мужчину так сильно, что ломило зубы.

— Ты вчера всю ночь читал мне лекции про осознанный выбор на трезвую утреннюю голову, Нолан, — она запустила обе руки в его волосы на затылке и потянула его лицо к себе, глядя прямо в его потемневшие, безумные глаза. — Так вот: сейчас девять утра. Я абсолютно трезва. И если ты через три секунды не скрепишь этот чертов договор поцелуем...

Он не дал ей досчитать даже до двух.

Низкий, гортанный рык сорвался с его губ, когда он накрыл ее рот своим — с такой сокрушительной, голодной яростью, что Лоран застонала в голос, выгибаясь навстречу его рукам.

Его ладони — горячие, шершавые — скользнули под ее футболку, обжигая голую кожу ребер, спины, сжимая ее талию так крепко, что на теле наверняка останутся следы, а язык властно и глубоко исследовал ее рот, заставляя забыть обо всем на свете. Он целовал ее так, словно уже владел каждой ее клеточкой, каждым вдохом и каждым звуком, который она способна издать, а она отвечала ему с тем же неистовым, бесстыдным нетерпением, тесно прижимаясь самым сокроввенным местом к твердому изгибу его бедер и задыхаясь от накрывающей с головой волны чистого вожделения.

И только когда на столешнице позади нее предательски зазвенела сдвинутая локтем кофейная чашка, а в кармане брошенной в прихожей куртки разрывающимся трезвоном ожил ее телефон, Нолан с тяжелым, рваным стоном оторвался от ее распухших, искусанных губ и уткнулся лбом в ее плечо, пытаясь унять бешеное сердцебиение.

— Три дня в студии, Вейл, — хрипло, на грани срыва выдохнул он в ее горячую кожу у ключицы, все еще сжимая пальцами ее обнаженные бедра. — Поезжай домой, собери вещи, разберись со своими звонками — и к вечеру чтобы была у меня. Потому что когда за нами закроется дверь той студии, я с тебя живой не слезу. Ни в музыке, ни во всем остальном.

Лоран сидела на краю стола, растрепанная, с пылающим лицом и колотящимся в ушах пульсом, смотрела в его черные, обещающие грех и спасение глаза — и понимала, что только что собственноручно подписала сделку с дьяволом.

И никогда в жизни не была так счастлива.

Глава 13. Змея под бо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.